

ИСКУССТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ III.

Контора журнала помѣщается:
въ Захарьевской улицѣ, д. № 7.

5 Юня 1877 г.

Цена за годъ, съ пересылкою, 10 р.
Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к.

№ 23.

Генералъ-Лейтенантъ Гейманъ.

МЪЩАНЕ.

РОМАНЪ

А. Ө. Писемскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе.

ГЛАВА VI.

Елизавета Николаевна Мѣрова въ широчайшемъ утреннемъ капотѣ, обшитомъ кругомъ кружевами и оборками, сидѣла на небольшомъ диванчикѣ, вся утонувъ въ него, такъ что только и видно было ея маленькое личико и ея маленькія обнаженныя ручки, а остальное все какъ будто бы была кисея. Квартира Елизаветы Николаевны весьма небольшая, въ противоположность дому Домны Осиповны, представляла въ своемъ убранствѣ замѣчательное изящество и простоту: въ ней ничего не было лишняго, а если что и было, такъ все очень красивое и вѣроятно очень дорогое. Квартира ея такимъ образомъ была убрана конечно на деньги Янсутскаго; но собственно вкусъ, руководствовавшій всѣмъ этимъ убранствомъ, принадлежалъ родителю Елизаветы Николаевны, графу Николаю Владиміровичу Хвостикову, нѣкогда блестящему камергеру, а теперь, какъ онъ самъ даже про себя выражался, аферисту и прожектеру.

Графъ въ это время сидѣлъ у дочери. Онъ былъ уже старикъ, но совершенно еще стройный, раздушенный, напомаженный, съ бородой à la Napoleon III, и въ безукоризненно-модной сергучной парѣ.

— Какъ-же, chère amie, ты это утверждаешь! говорилъ онъ (даже въ русской рѣчи графа Хвостикова слышалось что-то французское). Какъ женщина, ты не можешь даже этого понимать!..

— Я, можетъ быть, и не понимаю; но Петръ Евстигнѣичъ говоритъ, что все это одна фантазія, вздоръ!.. возразила ему Елизавета Николаевна.

— Какъ вздоръ! спросилъ графъ и отъ досады переломилъ даже находящуюся у него въ рукахъ бисквиту, и кусочки ея положилъ себѣ въ ротъ: онъ только что передъ тѣмъ пилъ съ дочерью шоколадъ.

— Такъ, вздоръ, повторилата, Петръ Евстигнѣичъ говоритъ, что надобно сначала первое дѣло покончить.

— Но оно уже кончено.. съ недѣлю какъ оно разсмотрѣно и разрѣшено... сказалъ съ увѣренностью графъ.

— А если кончено, такъ и прекрасно!.. А другое предпріятіе, Петръ Евстигнѣичъ говорить надобно подождать...

— Для тебя, chère amie, каждое слово твоего Петра Евстигнѣича... Oh, diable... отъ одного отчества его языкъ переломить!.. Тебѣ онъ, по твоимъ чувствамъ къ нему, представляется Богомъ казимъ-то, изрѣкающимъ однѣ непрелож-

ныя истины, но другіе, можетъ быть, понимаютъ его иначе!

Графъ Хвостиковъ собственно самъ и свелъ дочь съ Янсутскимъ, воспользовавшись ея вѣтренностью и тѣмъ, что она осталась вдовою, и сдѣлалъ это не по какому нибудь свободному взгляду на сердечныя отношенія, а потому что c'est une affaire avantageuse, предпріятіе не безвыгодное, а выгодными предпріятіями графъ въ послѣднее время бредилъ.

— Въ сущности твой Петръ Евстигнѣичъ кулакъ и привыкъ только считать гроши! при-совоккупилъ онъ вполголоса.

— Пожалуйста, папа, не выражайтесь такъ, остановила его дочь... Я люблю этого человѣка и не позволю никому объ немъ дурно отзываться.

Говоря это, Елизавета Николаевна вся вспыхнула даже.

— Что-жь, это семейный разговоръ былъ... возразилъ было графъ.

— А я и семейнаго разговора такого не желаю имѣть, подхватила дочь.

Графъ замолчалъ.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Домна Осиповна, Елизавета Николаевна очень ей обрадовалась.

— Ахъ, вотъ кто это! воскликнула она, увидавъ входящую подругу, и вскочивъ, какъ коточка, съ дивана, бросилась обнимать ее.

Графъ Хвостиковъ то же сейчасъ всталъ и поклонился гостѣ; при этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что поклониться такъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ сохраненіемъ собственного достоинства, какъ сдѣлалъ это графъ, врядъ-ли многіе умѣли въ Москвѣ.

— Ты однако, начала Елизавета Николаевна, переставъ наконецъ цѣловать Домну Осиповну, опять въ обновкѣ, въ бархатномъ платьѣ!

— Да, я съ этой болѣзью моею и поѣздкою за границу такъ истрепала мой туалетъ, что рѣшительно теперь весь возобновляю его!.. отвѣчала та не безъ важности.

— Постой, постой!.. останавливала между тѣмъ Мѣрова пріятельницу, не давая ей садиться и осматривая ее съ головы до ногъ: но знаешь, ма chère, платье это тяжело на тебѣ сидитъ.

— Я не нахожу этого, отвѣчала Домна Осиповна, не совсѣмъ, кажется, довольная этимъ замѣчаніемъ.

— Тяжело, повторила Мѣрова, не правда ли, папа? отнеслась она къ отцу.

Графъ Хвостиковъ лукаво усмѣхнулся.

— «Въ мои-ль лѣта свое сужденіе имѣть!» произнесъ онъ уклончиво.

— Какъ вы ни молоды, графъ, но все-таки, я полагаю, свое мнѣніе вы можете имѣть!.. отнеслась къ нему съ улыбкою Домна Осиповна: скажите: тяжело это платье?

— Pardon, madame, j'ai ne comprends pas ce que cela signifie: тяжело! Тяжело только то, что трудно поднять, но вамъ, я надѣюсь, не тяжело носить ваше платье, а пріятно.

Графъ видимо хотѣлъ этимъ что-то такое сострить.

— Даже очень пріятно, оно такое теплое, въ немъ такъ уютно, подтвердила Домна Осиповна.

— Но оно не платье, chère amie, силсилась доказать Мѣрова, а драпировка какая-то.

— Хорошо сказано, хорошо!.. О, ты дочь достойная меня!.. подхватилъ графъ. (Онъ еще съ молодости старался слыть за остряка и даже теперь въ обществѣ называли его: *тутымъ шиломъ*).

— Поэтому вы, отнесся онъ къ Домнѣ Осиповнѣ, прекрасная дорическая колонна, а платье ваше драпри... Vous êtes une dame aux draperies!..

— Не знаю... Я что-то колонъ въ драпировкахъ не видала, произнесла та, нѣсколько уже обидѣвшись и садясь на кресло.

Графъ Хвостиковъ тоже сѣлъ.

— Ну, что, пустяки, колонна!.. подхватила Мѣрова, также усаживаясь около пріятельницы: я убѣждена, продолжала она, что это тебѣ, по обыкновенію, шила твоя Дарья Петровна.

— Конечно Дарья Петровна, которая никакъ не хуже шьетъ твоей m-me Минангуа и разница вся въ томъ, что та вдвое беретъ за фасонъ и вдвое матерію требуетъ, возразила Домна Осиповна.

— Какъ же это возможно! произнесла почти съ плачемъ въ голосѣ Мѣрова. Папа, развѣ правда это? обратилась она опять къ отцу.

— Я не знаю фасоновъ m-me Минангуа; но въ окнахъ у ней я только видалъ прелестныя цвѣтки, отвѣчалъ графъ.

— А развѣ она дѣлаетъ цвѣты? спросила Домна Осиповна.

— Нѣтъ, онъ все глупости говоритъ: засматривался тамъ на хорошенькихъ мастерицъ! перебила съ досадой Мѣрова и снова обратилась къ главному предмету, ее занимающему: ты спрашиваешь, отчего тяжело, но зачѣмъ такія широкія складки? сказала она, показывая на одну изъ складокъ на платьѣ Домны Осиповны.

Та пожала при этомъ плечами.

— Ты, значить, не видала послѣднихъ фасоновъ; есть у тебя какой-нибудь модный журналъ? спросила она.

— Два даже! воскликнула Мѣрова и, проворно сходясь, принесла оба журнала.

— Смотри: узенькая это складка или широкая? говорила Домна Осиповна, показывая съ торжествомъ на одну изъ картинокъ.

M-me Мѣрова вспыхнула при этомъ: она чувствовала себя прямо уличенною.

— Знаю я это! Но пусть на картинкахъ это такъ и будетъ: носить же и надѣвать на себя такое платье я никогда бы не хотѣла, произнесла она капризнымъ голосомъ.

— Погоди, остановила ее Домна Осиповна, а этотъ капотъ, который на тебѣ, развѣ не также сдѣланъ?

— Да что, капотъ! Ей-Богу, какъ ты говоришь, почти выходила изъ себя Мѣрова: это глупая кака-то блуза, которую мнѣ шила бѣлошвейка.

— Attendez, mesdames, я васъ помирю!.. сказалъ, поднимая знаменательно свою руку, графъ Хвостиковъ: каждая изъ васъ любитъ то, что требуетъ ея наружность!.. M-me Олухова брюнетка, къ ней идетъ всякій блескъ, всякій яркій цвѣтъ, а Лиза существо эфира: ей надобно небо и легко облегающій газъ!..

— Да, если это такъ, то конечно!.. согласилась съ нимъ Домна Осиповна, но дочь нѣтъ, и продолжала отрицательно качать своею головою.

Въ это время послышались звуки сабли.

— Петръ Евстигнѣичъ, кажется, проговорилъ графъ Хвостиковъ.

Мѣрова заботливо взглянула на дверь.

Вошелъ дѣйствительно Янсутскій, пріѣхавшій прямо отъ Бѣгушева и бывший очень не въ духѣ. Не смотря на то, что Тюменевъ и Бѣгушевъ дали слово у него отобѣдать, онъ инстинктивно чувствовалъ, что они весьма не

высоко его третируют и почти что подсмѣивались надъ нимъ, тогда какъ самъ Янсутскій, вслѣдствіе нахапаныхъ всякого рода продѣлками денегъ, считалъ себя чуть не гениальнымъ человекомъ.

Войдя въ комнату, онъ къ первой обратился Домнѣ Осиповнѣ.

— Очень радъ, что я васъ здѣсь засталъ, сказалъ онъ, крѣпко пожимая ей руку.

— И я отчасти потому пріѣхала, что надѣялась встрѣтить васъ здѣсь, сказала она.

Янсутскій затѣмъ мотнулъ головой М-ше Мѣровой и ея папа, снялъ саблю и сѣлъ. Елизавета Николаевна пристально посмотрѣла на него.

— Что вы такой сегодня, фу, точно котъ Васька, сердитый? спросила она его.

— Нисколько не сердитый, отвѣчалъ ей небрежно Янсутскій и снова отнесся къ Домнѣ Осиповнѣ: Бѣгушевъ будетъ у меня обѣдать.

— Будетъ? повторила та съ удовольствіемъ.

— Будетъ-съ! отвѣчалъ Янсутскій и обратился уже къ графу Хвостикову:—у Бѣгушева я встрѣтилъ Тюменева; можетъ, вы знаете его?

— О, Боже мой! Это одинъ изъ лучшихъ моихъ знакомыхъ! произнесъ графъ, поднимая при этомъ немного глаза вверхъ.

— И онъ мнѣ сказалъ, что наше предприятие дѣйствительно разсматривалось, но что оно провалилось окончательно.

Графъ Хвостиковъ при этомъ поблѣднѣлъ.

— Что такое провалилось? спросилъ онъ, какъ бы не понявъ этой фразы.

— А то провалилось, что не утверждено, отвѣчалъ ему насмѣшливо и со злостію Янсутскій.

— Вотъ видишь, папа, какъ ты всегда говоришь! сказала также и дочь графу, погрозя ему укоризненно пальчикомъ: вѣрно все... рѣшено... конечно!

— Но мнѣ писали объ этомъ! бормоталъ графъ, совѣмъ, какъ видно, ошѣщенный.

— Незнаю-съ, кто вамъ это писалъ, возразилъ ему съ явнымъ презрѣніемъ Янсутскій, но оно никогда не было, да и не могло быть рѣшено въ нашу пользу. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы позволили на воздухѣ строить домъ.

— Гдѣ-жъ на воздухѣ, продолжалъ кроткимъ голосомъ графъ: развѣ credit mobilier не тоже самое?

— Вотъ еще что выдумали: credit mobilier! воскликнулъ насмѣшливо Янсутскій: предприятие, чортъ знаетъ когда существовавшее, и гдѣ же? въ Парижѣ! при содѣйствіи императора и то лопнувшее — хорошъ примѣръ! Я просто сторѣлъ отъ стыда, когда Тюменевъ сталъ росписывать Бѣгушеву это наше дурацкое дѣло!

Графъ на это ничего ужъ и не возражалъ.

Дочери, кажется, сдѣлалось жаль его.

— Хотите завтракать?... спросила она Янсутскаго, зная по опыту, что когда онъ поѣсть, такъ бываетъ подобрѣе.

— Нѣтъ, не хочу!.. отвѣчалъ отрывисто Янсутскій. (Надменный видъ Тюменева никакъ не могъ выйти изъ его головы). А у меня еще гость будетъ—этотъ Тюменевъ, присовокупилъ онъ.

— Ахъ, это отлично! Мнѣ очень хочется посмотреть на него, воскликнула Мѣрова. Что онъ такое: генераль-адъютантъ?..

— То-есть, пожалуй, генераль-адъютантъ, штатскій только... онъ статсъ-секретарь! отвѣ-

чалъ не безъ важности Янсутскій. Я собственно позвалъ этого господина, отнесся онъ какъ бы больше къ графу, затѣмъ, что онъ хоть и надутая этакая скотина, но все-таки держаться къ такимъ людямъ поближе не мѣшаетъ.

— О, безъ сомнѣнія! подтвердилъ тотъ веселымъ голосомъ.

Положеніе графа было очень нехорошее: если бы изобрѣтенное имъ предприятие было утверждено, то онъ все-таки нѣсколько надѣялся втянуть Янсутскаго въ новую аферу и такимъ образомъ, заинтересовавъ его въ двухъ большихъ дѣлахъ, имѣлъ нѣкоторое нравственное право занимать у него деньги, что было совершенно необходимо для графа, такъ какъ своихъ доходовъ онъ ни откуда не получалъ никакихъ и въ настоящее время. Напримѣръ, у него было въ карманѣ всего только три цѣлковыхъ; а ему сегодняшнимъ вечеромъ нужно было приготовить по крайней мѣрѣ рублей сто для одной своей любовишки; не смотря на свои 60 лѣтъ, графъ сильно еще занимался всякаго рода любовишками. Но гдѣ взять эти сто рублей!.. Не у Янсутскаго-же просить взаймы послѣ всѣхъ дерзостей, которыя онъ позволилъ себѣ сказать: графъ все-таки до нѣкоторой степени считалъ себя джентельменомъ.

— Этотъ Тюменевъ очень много рассказывалъ интересныхъ вещей, снова началъ Янсутскій.

Графъ Хвостиковъ при этомъ взглянулъ на него.

— А именно? спросилъ онъ.

— Да разными тамъ разности! отвѣчалъ Янсутскій: о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, предполагаемыхъ въ министерствѣ... о своихъ бесѣдахъ съ разными высокопоставленными лицами... объ ихъ взглядахъ на Россію! (Но болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, что ему рассказывалъ Тюменевъ, Янсутскій не могъ вдругъ придумать: какъ человекъ практическій, онъ владѣлъ весьма слабымъ воображеніемъ). Въ такія откровенности пустился, что Боже упаси!.. Понравился видно, я, ему очень! заключилъ онъ, вставая и беря свою саблю.

— А мнѣ еще, Петръ Е стигнѣвичъ, надобно съ вами два слова сказать!.. проговорила при этомъ Домна Осиповна.

— Вашъ слуга покорный! отвѣчалъ ей Янсутскій.

— Но только по секрету!.. присовокупила Домна Осиповна.

— И по секрету могу! подхватилъ Янсутскій. Они оба пошли.

— Вы не ревнуете? спросила Домна Осиповна, оборачиваясь къ Мѣровой.

— Немножко ревную! отвѣчала та.

Въ слѣдующей комнатѣ Домна Осиповна и Янсутскій сѣли.

— Послушайте, начала она заискивающимъ голосомъ: у меня есть теперь свободныя деньги... Я бы желала на нихъ пріобрѣсть акціи Хмурина—гдѣ бы мнѣ ихъ достать!

— На биржѣ сколько угодно.

— Да, но на биржѣ онѣ дороже своей цѣны...

— Еще-бы, и главное, что съ каждымъ днемъ поднимаются и будутъ еще подниматься.

— Вы думаете? проговорила Домна Осиповна и глаза ея при этомъ блеснули какимъ-то особеннымъ блескомъ.

— Увѣренъ въ томъ!.. А на какую сумму вамъ нужно этихъ акцій?

— Я еще этого не опредѣлила точно! отвѣчала уклончиво Домна Осиповна — акціи Хмурина конечно теперь очень хорошо стоятъ, но онѣ могутъ и понизиться—все-таки это рискъ!.. У Хмурина, говорятъ, много еще ихъ на рукахъ, и онъ ихъ даетъ нѣкоторымъ знакомымъ по номинальной цѣнѣ.

— Кому-жъ онъ даетъ?... лицамъ, отъ которыхъ самъ въ зависимости. Впрочемъ Хмурина будетъ у меня на обѣдѣ... Попробуйте, скажите ему объ этомъ! проговорилъ Янсутскій, онъ нѣженъ съ дамами.

— Нѣженъ? спросила, усмѣхнувшись, Домна Осиповна.

— Очень даже. — Вы сначала, будто шутя, попросите у него, а потомъ и серьезно скажите.

— Понимаю; но и вы словечко замолвите ему съ своей стороны; онъ, говорятъ, вамъ ни въ одной просьбѣ не отказываетъ!..

Янсутскій пожалъ плечами.

— Пока еще не отказывалъ ни въ чемъ, извольте,—я ему скажу!

— Пожалуста!

У графа Хвостикова въ это время тоже шелъ объ деньгахъ разговоръ съ дочерью.

— У тебя нѣтъ рублей двухъ сотъ, трехъ сотъ?... спросилъ онъ будто случайно и совершенно небрежнымъ тономъ.

— Нѣтъ, папа, на вотъ хоть возьми ключъ и посмотри самъ! отвѣчала та совершенно, какъ видно, искренно.

Графъ нѣкоторое время переминался.

— А этакъ заложить мнѣ чтонибудь не можешь-ли дать?

— Ни за что, папа!.. ни за что!.. воскликнула точно даже испуганная этой просьбой Мѣрова. Петръ Евстигнѣвичъ и за браслетъ тогда меня бранилъ очень, бранилъ и тебя также.

— Какъ же онъ меня бранилъ? имѣлъ ли осторожность спросить Хвостиковъ.

— Просто подлецомъ тебя называлъ, объяснила откровенно дочь.

Янсутскій и Домна Осиповна возвратились и вскорѣ затѣмъ оба уѣхали, а графъ Хвостиковъ, желая сберечь свои единственные три рубля, какъ ни скучно ему это было, остался у дочери обѣдать.

(Продолженіе будетъ).

Отступница.

Онъ ей сказалъ: «мой богъ твоимъ да будетъ богомъ!»

Отнынѣ лишь ему молиться ты должна.» И вотъ, послушна и кротка, передъ порогомъ Его молеельни ницъ склонилась она.

Предъ нею въ полутьмѣ таинственнаго храма Гигантскій истуканъ изваянный предсталъ. Онъ въ ризахъ золотыхъ, въ туманѣ еиміама, Какъ нѣкій властелинъ, на тронѣ возсѣдалъ.

Она вперила взоръ въ изображенье бога, И съ устъ ея лилась къ чудовищу мольба, И разумъ ей шепталъ: одна тебѣ дорога — Отнынѣ ты жена, отнынѣ ты раба.

Но въ сердцѣ у нея навѣки, какъ въ могилѣ,

Осталось божество давно минувшихъ дней. Ни воли, ни ума, могучей, страшной силѣ Не вырвать божества, пока есть сердце въ ней.

Болбѣ.

ЖАРТИННАЯ ГЛАДЕРЕЯ „ПЧЕЛЫ“

Большое дитя, съ картины Н. О. Гюна.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

ПОДЪ КАРСОМЪ.

Падшему Ангелу.

О, не гляди съ такимъ покорнымъ взглядомъ,
Съ такою кротостью стыдливой не гляди.
Не дѣлай мнѣ минуту счастья адомъ
И горькихъ сновъ, забытыхъ, не буди!
Дитя! Вѣдь ты жила еще такъ мало,
А я погрязъ въ житейской суетѣ.
Какъ низко ты, какъ страшно бы ни пала
Передо мной ты все жь на высотѣ!

1877.

А. Славутинскій.

Изъ школьныхъ воспоминаній.

II.

Страшный день.

Періодъ человѣческой грусти, болѣзненно цѣлующей сердце новичка, грусти-друга, какой-то родной грусти, вызывающей родныя лица и родныя мѣста въ туманѣ дѣтскихъ слезъ, — прошелъ. Нѣтъ больше жаркихъ молитвъ, произносимыхъ страстнымъ шепотомъ съ прерывающимся громкимъ словомъ; не сжимаешь изо всѣхъ силъ маленькихъ рученокъ, молясь. И молитва и грусть, которую я назвалъ человѣческой, пропали. — Начинаешь тосковать, какъ звѣрь, бессознательно, злобно, начинаешь дичать въ воспитательномъ пансіонѣ. Прежде всего я пересталъ искренно молиться. Шепчешь слова и думаешь совѣтъ о другомъ, напр. о томъ, что у тебя каблукъ скривился, или отчего это голова ужасно чешется. Послѣ такой молитвы чувствуешь, какую то тяжесть на душѣ: дышется точно тяжелѣй, сердце точно рѣже стало биться, кровь течетъ въ маленькихъ жилахъ невесело, вяло.

Мрачныя неопредѣленныя предчувствія, точно обсядутъ тебя, засыпающаго ребенка, и глядятъ бѣлыми, неопредѣленными бѣлками, все медленнѣй и медленнѣй течетъ кровь дѣтская, огненная; энергія ослабѣваетъ и начинаешь мучиться. Вѣдннй ребенокъ.

Не спишь до полночи и съ ужасомъ отсчитываешь страшное число ударовъ. А на завтра тебя насилу добудитъ Herr Uhu, у котораго вмѣсто волосъ на головѣ росъ какой-то вдовій чепчикъ. Утро, вѣрнѣе, зимняя ночь, встрѣчаетъ тебя возгласомъ: Ohne Thee.

Мрачный идешь въ умывальню, разгильдяйски волочишь за собой полотенце и начинаешь мыться, едва доставая до высокихъ рукомыльниковъ. Вода льется за рукава, за шиворотъ. Руки остались грязны и лишнуть. Волосы не причесаны, чувствуешь свою собственную физическую гадость.

Въ столовой, куда мы спустились, звенятъ стаканы, шумитъ говоръ, покрываемый иногда или визгомъ, или басовымъ гласомъ *большаго*, недобвольнаго своей булкой и сущаго ее подъ носъ надзирателю, или отрывистымъ ревомъ начальства, выкрикивающаго чью-нибудь фамилію.

А я стою у камина, прислонясь щекой къ холодной стѣнѣ и на меня смотритъ черная ночь, напирая на окна столовой.

Говоръ гулко отдается въ другомъ концѣ комнаты со сводами, гдѣ стою я, то громче и дружелнѣй, то послабѣе.

Вотъ пицить говоръ маленькихъ; весь говоръ понизился-покатился вдоль стола, — и загомонилъ голосами есъ столъ. Правѣ гудитъ чей-то басъ; загудѣлъ другой басъ. Потомъ чей то крикъ и звукъ разбившейся въ дребезги чашки. Все разомъ смолкло, и чрезъ секунду раздался взрывъ хохота, который въ нѣсколько волнъ прокатился надъ столами.

У меня смыкаются глаза. А ночь все пристальнѣй и пристальнѣй глядитъ въ окна. Говоръ раздражаетъ меня; мнѣ страшно взглянуть въ окошко; мнѣ хочется спать, а я знаю, что нельзя спать: руки липнуть, за рубашкой

мокро отъ умыванья; голова нестерпимо чешется. Гадко, противно!

— Простите меня, — говорю я угрюмо Угу.

— Стой, гдѣ стоишь.

— Господи, да что же это! съ тоской и злобой говорю я.

— Was!? удивительно восклицаетъ надзиратель, не слыхавшій отъ другихъ такихъ неказенныхъ словъ. Много любопытныхъ дѣтскихъ глазъ поднялось на меня.

— Маршъ на мѣсто! повторяютъ мнѣ.

Я зачѣмъ то усмѣхнулся, сдѣлалъ два шага отъ столовъ и вытанулъ на полу въ самой удобной позѣ, закрывъ глаза.

Говоръ, начиная съ ближняго конца столовъ, сталъ потухать — потухать и потухъ. Среди полнаго мрака тишины блеснулъ рѣзкій голосъ: Встань!

— Не мѣшайте мнѣ спать! отвѣчалъ я, улыбаясь и не раскрывая глазъ.

— Встань.

— Я хочу спать! улыбался я блѣднымъ лицемъ.

— Встань! — оглушилъ меня яростный голосъ.

— Я хоч... — и среди гробовой тишины раздалось мое рыданье.

Я медленно всталъ и пошелъ къ камину.

Чей-то голосъ слабо хихикнулъ. „Что онъ его ударилъ?“ спросилъ кто-то. „Нѣтъ, онъ самъ отчего то“... было отвѣтомъ. Ребятишки молчали до самого выхода изъ столовой.

Пара за парой, выходятъ толстенкіе, маленькіе мальчуганы, потомъ все большіе и большіе и, наконецъ, молодцы, обросшіе бородками и баками, въ черныхъ сюртукахъ и визиткахъ, съ брелоками при часахъ, лѣнливой, утомленной походкой. Опустила зала.

Рядомъ со столовой, въ буфетѣ моютъ посуду, стучать ложками, и разговариваетъ прислуга.

Лампы потушили, оставивъ только одну. Ночь, кажется, еще пристальнѣй глядитъ на меня, еще плотнѣй прильнула къ оконнымъ рамамъ.

— Коля, а вѣдь ты гадкій мальчикъ, — говорю я самъ себѣ, уткнувшись въ уголь, чтобъ не видѣть окошекъ. — Вѣдь тебя могутъ выгнать, или розгами высѣчь. Ну, и пускай сѣкутъ, подѣломъ! А отчего это надзиратель меня не позвалъ изъ столовой? онъ, вѣрно, за директоромъ пошелъ. Господи, опять мамашѣ напишутъ. У, гадкій, отвратительный мальчикъ! чертъ, дуракъ, свинья, Schaafskopf! Да, да, — продолжаю я, закусывая дрожащую нижнюю губу, — мамашу бѣдную огорчаешь. А на рождествѣ общался, плакалъ. Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

И я деру себя за уши, таскаю за волосы, кусаю руку, щиплю ноги.

— Баринъ! — Услышалъ я чей-то шепотъ и съежился, и забился въ уголь, врасплохъ застигнутый въ порывѣ самоистязанія.

— Ивановъ, баринъ.

Я оглянулся. Около стоялъ, боязливо оглядываясь, Дмитрій, маленькій, ростомъ съ меня, прислужникъ, очень добрый и очень большой старикъ.

Онъ соваль мнѣ въ руку булку.

— Не надо, не хочу, — крикнулъ я.

— Ну, ну, возьми за пазуху.

— Дмитрій, голубчикъ, я не достоинъ. Я ужасно скверный.

Старикъ сталъ мнѣ разстегивать пазуху, я не давался. Въ это время послышались шаги.

— Kannst gehen, — услышалъ я и пошелъ вслѣдъ за надзирателемъ, приплясывая и показывая ему носъ. Въ репетиціонную я вошелъ развязно, улыбаясь. Нѣмца смѣнилъ одноглазый m-r Nivas.

— Э, что такъ поздно. Гдѣ вы были? Спросилъ онъ меня.

— Въ углу стоялъ-съ, monsieur.

— Хорошо. А за что ты стоялъ?

— Herr Uhu поставилъ: я съ нимъ поругался. Что-жъ, я и безъ чаю сегодня.

Нива пожалъ плечами и отошелъ. Прошло полчаса. Я томился мрачной тоской. Потомъ я попросился и вышелъ въ большой, темный Turn- und Tanz Saal; потихоньку я сталъ бродить по

немъ, потомъ вышелъ въ корридоръ и сталъ за колонну. Тупо глядѣлъ я на лампу, тупо чesалъ голову, тупо сталъ всматриваться въ подхолившаго ко мнѣ полупансіонера.

— Вшивый, чего стоишь? Спросилъ онъ меня.

— Я тебѣ дамъ, Матрена.

— Только дай. Мой отецъ здѣсь. Вшивый, мандрилка!

Я сразбѣгу толкнулъ Матрену объ стѣну. Раздался вой и плачь.

— Я пойду сейчасъ отцу скажу. — Ревѣлъ онъ, собирая разбросанныя книги и направляясь назадъ въ пріемную.

«Еще бѣда» подумалъ я, съ замираніемъ сердца ожидая новой переборки, и пошелъ въ репетиціонную. «Что бы мнѣ съ собой сдѣлать, что бы мнѣ съ собой сдѣлать», мрачно думалъ я въ глухой тоскѣ. Потомъ я вдругъ переходилъ къ острому страху за послѣднюю шалость и вздрагивалъ. «Нѣтъ, такъ нельзя себя вести, Коля. Вѣдь выгонятъ. Нужно себя хорошо вести. Я размышлялъ, и мнѣ казалось совершенно невозможнымъ пріобрѣсти расположеніе начальства. Я впалъ въ безвыходное уныніе, поднявъ крышку стола и глядя на фотографическій снимокъ иконы; на оборотѣ отецъ написалъ на рождествѣ: „Коля, дружокъ, помни обѣщаніе: перемѣниться“.

Тихо отворилась дверь, и швейцаръ, растопыривъ руки и неистово скрипя сапогами, на ципочкахъ подошелъ къ надзирателю:

— Ваше благородіе, въ пріемной господинъ одинъ ожидаютъ, переговорить просятъ.

Ухъ, какъ застучало у меня сердце отъ этихъ словъ.

— Que dit-il? — Вытаращивъ глаза и махнувъ рукой отъ груди, сказалъ Nivas.

— Il dit, monsieur... Monsieur, il dit... Monsieur, on veut... — Закричали со всѣхъ сторонъ.

— Въ пріемную пожалуйте. Господинъ, значитъ, одинъ требуетъ, пояснялъ швейцаръ, вытягивая шею впередъ, къ лицу надзирателя, и тыкая большимъ пальцемъ назадъ.

— Ah, non-non-non-non!! — Закричалъ французъ, отмахиваясь отъ швейцара. — Нѣтъ время, нѣтъ время.

Андрей ушелъ.

— Вотъ животное, обратился къ намъ Nivas, — будто не знаетъ, когда пріемный часъ. А я не могу васъ однихъ оставить, рѣшительно не могу. N'est ce pas?

— Oui, monsieur. — Отвѣтилъ кто-то.

— Taisez vous! крикнулъ на него Nivas. — Вы знаете, что теперь время занятій, а не разговоровъ.

У меня отлегло. Однако, движенія француза, въ котораго я впился глазами, казались мнѣ подозрительными: то онъ подтягивалъ штаны, то покручивалъ усы, то вытаскивалъ изъ одного жилетнаго кармана флакончикъ съ духами, то изъ другаго плитку шоколада. Я угадалъ: онъ направился къ двери. Какъ кошка, прыгнувъ я вслѣдъ за нимъ, неслышно попадая шагъ въ шагъ, подаваясь то вправо, то влѣво, чтобъ моя тѣнь отъ лампы ложилась ему на спину. Какъ у меня достало на это ловкости, я потомъ и самъ не понималъ.

Я хотѣлъ схватить Нива за фалды, чтобъ онъ не дошелъ до пріемной; думалъ закричать и упасть будто въ обморокъ; желалъ, чтобы въ репетиціонный крикнули караулъ, или бы разбили лампу и сдѣлали пожаръ. Французъ вошелъ пріемную, а я спрятался за дверь.

— Ушелъ?

— Ушли-съ.

Надзиратель прошелъ мимо меня. А я пришелъ въ неистовый восторгъ и сталъ изображать дикій танецъ подъ шумъ и адскій гвалтъ въ репетиціонной. Я услышалъ, какъ тамъ страшно хватили дверь, и вмгъ воцарилась гробовая тишина. Чрезъ секунду долетѣли до меня вопли разъяреннаго француза.

Вихремъ пролетѣлъ я корридоръ и пріотворилъ дверь класса: Нива кричалъ, приперѣвъ кого-то къ стѣнѣ, сивинагося вырваться изъ его рукъ. Цѣлая дюжина учениковъ стояла по угламъ, вооруженная книжками. Я созерцалъ. Ага! — услышалъ я сзади себя и почувство-

валъ холодную руку, схватившую меня за волосы того мѣста, за которые берутъ, когда спрашиваютъ, гдѣ живетъ докторъ. Ай!

Меня поймалъ инспекторъ. Онъ бережно приотворилъ дверь и повелъ меня въ уголокъ, постепенно поднимая свою руку, державшую волосы, все выше и выше. Медленно привелъ онъ меня къ стѣнѣ, тщательно оставилъ въ уголокъ, обдернулъ рубашку, оправилъ воротнички моей рубашки, сказалъ: *Wart, du!*

Потомъ неслышно за спинами учениковъ прокрался онъ между скамеекъ, заставляя върасплохъ, кого надъ рисованіемъ разныхъ рожекъ, кого спящимъ, кого читающимъ не учебникъ. То тамъ, то тутъ сморщивались, или вскрикивали, или хватались за ухо, или вскакивали въ невообразимомъ удивленіи преступники. Теперь это смѣшно, а тогда было ужасно.

Наконецъ инспектора замѣтили всѣ, и онъ отошелъ къ черной доскѣ, хищно осматриваясь и злобѣще постукивая крышккой табакерки, а мы боязливо взглядывали на него изъ за книгъ. Воцарилась тишина; присутствіе инспектора всѣхъ томило, давило и всѣмъ мѣшало.

Долго стоялъ я, прислушиваясь, какъ вдали шумѣли проходящіе, стучая входною дверью, хлопая объ полъ сбрасываемыми галошами и ранцами, иногда подымая говоръ.

Дверь нашей комнаты иногда раздвигалась, точно ротъ, и шумъ яснѣлъ, раздвигаясь на различные звуки; когда дверь затворялась, слышалось глухое ворчанье сквозь зубы. Я такъ увлекся этимъ наблюденіемъ, что сталъ продолжать то же самое съ своимъ собственнымъ ртомъ, но вытаращивъ глаза въ книгу.

— А — ha! — тихо раздалось надъ самымъ моимъ ухомъ, да такъ неожиданно, что подогнулись колѣнки.

— Schön! — повторилъ инспекторскій басъ, и длинныя, сѣдыя баки передернулись изъ стороны въ сторону.

Я пристальнѣе прежняго глядѣлъ въ книгу. — Aber, Junge, du bist ein Ding! — Продолжалъ свирѣпый, тихій басъ, и страшныя глаза завращались, какъ у льва.

Опять бережно, двумя пальцами, но жестко, взяли меня за ухо и подвели къ высокой каедрѣ.

— Ползай на нее.

Весь вспыхнувъ, всталъ я на каедру. Всѣ глядѣли на меня. Я уткнулся въ книгу, — А теперь продолжай свои эволюціи.

Я стоялъ неподвижно, поднимая книгу къ самому носу.

— Продолжай, продолжай. S'ist ja ganz amüsant!

Я сталъ жевать, слегка раздвигая ротъ.

— Шире, шире, безъ церемоній!

Я, красный, кислосладко улыбаясь, съ навертывающимися слезами, пристально глядя на черныя строчки, сталъ отчаянно махать нижней челюстью.

— So, so, so! — говорилъ инспекторъ, въ тактъ кивая головой. Взрывъ смѣха прокатывался по комнатамъ.

Мое положеніе было вовсе не такъ неприятно, какъ это мнѣ показалось сначала. Подъ собой я видѣлъ все разнообразныя костюмы, все разнообразныя лица. Разсматривать эти головы было интересно. Иногда я нарочно начиналъ стучать зубами, или кашлять, и головы то поодиночкѣ, то группами подымались на меня. Точно стадо коровъ! Однѣ, опустивъ головы, жуютъ школьную премудрость, другія подымаютъ головы, поглядывая, промычать и опустятъ, третья разомъ шарахнется въ бокъ и испуганно, бокомъ глядитъ на пастуха, который стукнулъ ее по темени табакеркой. Инспекторъ время отъ времени покрикиваетъ на стадо:

— Schwabe, lass' deine unglückliche Nase in Ruh!

И Швабе принимаетъ руку отъ распухшаго носа и отъ избытка покорности бездѣйственно вытягиваетъ ее по столу во всю длину.

— Schukoff, was hast du im Munde?

— Ein gummi. — Дребезжитъ Жуковъ.

— Брось ее за форточку.

Жуковъ покорно лѣзетъ къ высокой форточ-

кѣ и выкидываетъ со вздохомъ свою единственную собственность.

Иногда и Нива, чтобъ показать, что и онъ не пятое колесо, выдумаетъ какую нибудь странную претензію:

— Снимите ваши очки.

— Monsieur, докторъ...

— Monsieur докторъ, снимите ваши очки.

— Я не могу.

— Я самъ не могу. Снимите ваши очки.

Ученикъ покоряется. Инспекторъ, чтобы не ослабить власти, молчитъ, но чрезъ пять минутъ глубокомысленно отзывается француза въ самый дальній уголокъ и шепчется съ нимъ съ такимъ ученымъ видомъ, что я на своей позорной каедрѣ, болтая нижней челюстью, проникаюсь съ благоговѣніемъ. Конференція оканчивается тѣмъ, что Нива небрежнымъ тономъ роняетъ: «можете опять надѣть ваши очки...» потомъ улыбается и оканчиваетъ, оглядываясь на инспектора: «можете... monsieur докторъ!» Инспекторъ мило киваетъ французу въ отвѣтъ, сочувственно улыбаясь. Потомъ оба опять отходятъ въ дальній уголокъ, начавъ новый, еще глубокомысленнѣйшій разговоръ.

Первый урокъ былъ въ тотъ день математика, Rechnen. Классъ полонъ. Смирные ученики сидятъ за книгами и не поднимаютъ грустныхъ глазъ на веселыхъ сорванцевъ, которые плещутъ передъ ними, кривляясь и дѣлая гримасы, путаютъ имъ волосы, пищутъ на спинѣ оскорбительныя названія, вытаскиваютъ изъ кармана платокъ. Смирный, не поднимая глазъ, пригладитъ волоса, торопливо почиститъ спину, да изрѣдка скажетъ: «оставьте пожалуйста!» Рѣдко, рѣдко пойдетъ торопливыми, угловатыми шагами жаловаться и никогда не пожалуется. Вокругъ каждого изъ такихъ смиренныхъ непременно образуется кучка безобразниковъ, которая хлопочетъ, какъ муравьи около навознаго жука, нечаянно попавшаго въ муравейникъ, и совсѣмъ поглупѣшаго отъ щипковъ, толчковъ и вспрыскиваній за самое лучшее, что на самомъ дѣлѣ самое худшее, жукъ считаетъ притвориться нечувствительнымъ ни къ чему, мертвымъ.

Вошелъ учитель и сѣлъ. Сдѣлалось тихо. Учитель просидѣлъ довольно долго, закрывъ свое чахоточное лицо руками.

— Was? — спросилъ онъ вздрогнувъ.

Молчаніе.

— Кто это спросилъ меня?

Молчаніе.

Учитель надолго задумался, покачиваясь на стулѣ и отдуваясь.

— Задача! воскликнулъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

Перья заскрипѣли, и всѣ лица уставились, ожидая, на учителя. Но онъ задумался еще глубже, пристально глядя на меня. Я ежился, потому что по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ я былъ смертельной антипатіей герра Доппеля.

— Два работника! Встрепенувшись провозгласилъ послѣдній и умолкъ, не спуская съ меня глазъ. Лицо его вдругъ сдѣлалось кислымъ какъ лимонъ, и страдающимъ. — Два работника, — повторилъ онъ слабѣющимъ голосомъ. — Два, — уже шепталъ онъ, качая головой, — работника, какое глупое выраженіе лица, совсѣмъ овечье лицо, ein Schafsgesicht eine absolute grenzlose Dummheit.

Я краснѣлъ.

— Ивановъ, отчего у васъ такое глупое лицо? — съ теплымъ и искреннимъ участіемъ въ голосѣ обратился ко мнѣ Доппель. — Отчего у него такое глупое лицо? съ ужасомъ обратился онъ къ классу. Потомъ онъ опять сталъ думать.

— Два работника... Unmöglich! unmöglich das ist ein dummer Mensch Iwanoff, sie wissen ja garnichts. Вы ничего не понимаете, вы глупѣе, чѣмъ этотъ стулъ. У, у, у, у! — стоналъ учитель, съ омерзѣніемъ глядя на меня въ польоборота. Доппель вдругъ вскопился со стула и, стиснувъ виски ладонями, сталъ болѣзненно вскрикивать:

— Ивановъ! Ступайте отсюда вонъ! Вы раздражаете меня. Gehen Sie fort von hier! Fort — fort — fort!

Я обидѣлся, съ грохотомъ вылѣзъ изъ за лавки и, уходя, хлопнулъ дверью. Доппель стоялъ посреди класса и шепталъ, расширивъ глаза съ ужасомъ, омерзѣніемъ, удивленіемъ, и презрѣніемъ: „das ist ein Taugenichts, das ist ein Taugenichts!“ Черезъ минуту онъ уже совсѣмъ успокоился и твердымъ, спокойнымъ голосомъ диктовалъ: Два работника сдѣлали большой горшокъ въ 7 дней. Три работника...

„Вотъ и будь тутъ хорошимъ мальчикомъ. Кажется, всѣ задачи приготвилъ, Петровъ ихъ у меня даже списалъ... Какъ-же быть хорошимъ мальчикомъ, когда у меня Schafsgesicht?“ размышлялъ я, глядя въ замочную скважину на Доппеля.

— А-ha! — Отрѣзалъ надо мной тихій басъ.

На этотъ разъ я просто помертвѣлъ, затряса всѣмъ тѣломъ и, чудно! вспомнилъ, какъ съ моей бабушкой сдѣлалась истерика, когда она задремала, и я изо всѣхъ силъ поцѣловалъ ее въ ухо, отъ избытка любви.

— Почему ты не въ классѣ?

Я не вдругъ справился съ прервавшимся отъ испуга дыханіемъ, не вдругъ смочилъ мгновенно пересохшее горло. Наконецъ сморщившись, я отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ.

— Weil ich ein Schafsgesicht habe.

Широкая, толстая улыбка пролѣзла по лицу инспектора.

Was, wie? — Спросилъ онъ, точно испугавшись. Потомъ новая, громадная улыбка перекосила ему ротъ и баки, надула щеки и выпятила глаза. Наконецъ онъ отвернулся, сдѣлалъ два невѣрныхъ шага отъ меня и захохоталъ: „Cha-ha-ha! Cha-ha-ha! Cha-ha-ha!“ Смѣхъ вдругъ смѣнился такимъ же гомерическимъ кашлемъ, потомъ смѣхъ и кашель вмѣстѣ помчались по пустынному корридору. Лице инспектора сдѣлалось красное, какъ свекла: одна рука блуждала за спиной, ища платокъ въ заднемъ карманѣ; другою онъ уперся въ стѣну, какъ упираются дѣти въ коклюшъ. Инспекторъ отражался, должно быть, на моихъ губахъ, потому что онъ улыбался, а самъ я глядѣлъ на него съ ужасомъ, точно на паровозъ, который вотъ-вотъ разорветъ.

„Видишь, Коля, что ты надѣлалъ. Да развѣ я виноватъ?“

Что что, онъ плачетъ! Господи, и вдругъ онъ съ ума сошелъ, — думалъ я испугавшись.

А въ это время взрывало весь пороховой складъ инспекторскаго кашля и смѣха, несмотря на платокъ, который инспекторъ прижалъ ко рту.

Насилу-насилу успокоился онъ и сталъ приводить себя въ порядокъ: грузно высморкался, вытиралъ глаза, ротъ, лицо и обмахивалъ съ сюртука табакъ. Я испуганно глядѣлъ на его носъ, который все еще вздрагивалъ отъ внутренняго смѣха, точно икалъ.

— Komm, du, Knirps! — сказалъ онъ мнѣ и повелъ за руку, снисходительно, почти ласково поглядывая на меня однимъ глазомъ, бочкомъ.

Разгадать, что со мной дѣлается, что со мной дѣлаютъ, я совсѣмъ отказался и рѣшился плыть по теченію обстоятельствъ. Это было гораздо покойнѣе: ожесточился, ушелъ въ себя, бережно спряталъ душу въ самую глубину своего маленькаго тѣла, а тѣло отдалъ на растерзаніе начальству.

Инспекторъ провелъ мое тѣло мимо знакомыхъ часовъ и знакомаго Андрея въ холодную пріемную, комнату съ низкими сводами, и посадилъ его на стулъ, а самъ ушелъ.

Мое тѣло сидѣло неподвижно, параллельно свѣсивъ ноги, недостававшіе до полу, просунувъ пальцы правой руки сквозь пальцы лѣвой, опустивъ голову и уставивъ глаза на кончикъ сапога. А душа прислушивалась, какъ били жилки въ вискахъ, какъ тикалъ маятникъ часовъ въ передней, и ей было все равно, рѣшительно все равно, чтобы ни дѣлали съ ея тѣломъ. Тихо было во всемъ нижнемъ этажѣ, нѣмо, мертво. И я тоже замеръ, безсознательно боясь кашлянуть или пошевелиться; чѣмъ дольше я сидѣлъ, тѣмъ больше я проникался тишиной, тихо-тихо переводя дыханіе, не измѣняя положенія губъ и не моргая.

Жилки въ вискахъ затихли; маятникъ еще стучалъ, но такъ мягко, точно онъ былъ сдѣланъ изъ сыраго тѣста; дыханіе сдѣлалось длиннымъ: долго и осторожно, чтобъ не зашумѣть, втягиваешь въ себя тонкую струйку воздуха и также выпускаешь ее.

Кончикъ сапога, на который я пристально глядѣлъ, расплылся въ черное пятно. Маятника не слышно.

Да онъ и не качается. Вѣдь онъ не качается, такъ отчего же мнѣ не перестать дышать? И я на половинѣ вдоха останавливаюсь. Вотъ теперь, такъ тихо!

Черное пятно беззвучно пухнетъ, вздувается, закрываетъ полъ, стѣны; вотъ оно закрыло мои ноги, тихонько подступило къ горлу, доползло до глазъ.—И я потонулъ въ тишинѣ и темнотѣ. Хорошо сидѣть такъ на стулѣ, не дышать, не слышать, не видѣть ничего...

Вдругъ въ темнотѣ кто-то завизжалъ и зашипалъ провизительно и неистово. Что это, собака? Вотъ она бѣжитъ поджавши хвостъ. Да это мой Чудака! Какъ онъ попалъ сюда? Я слѣдилъ за убѣгающимъ Чудакомъ, который мчался въ черномъ мракѣ, разинувъ ротъ, прижавъ уши и косясь назадъ.

Вдругъ мракъ смѣнился яркимъ свѣтомъ и мои глаза уперлись въ желтую, точеную ножку конторки. „Динь!“ ясно услышалъ я послѣдній ударъ колокольчика.

Я продремалъ полчаса. Мнѣ холодно, ноги затекли, въ ушахъ шумѣло, руки посинѣли. Что, мои руки тоже спали? подумалъ я, съ участіемъ глядя на своихъ товарищей по несчастью.

Я поднялъ глаза. Прямо передо мной сидѣлъ черный, бородатый купецъ, который любопытно смотрѣлъ на меня. На право, на лѣво свѣшивались съ его плечъ полы яркокрасной, лисьей шубы. Когда же онъ вошелъ? Подумалъ я.

— Что, мальчикъ, соснулъ?—Спросилъ онъ, поднявъ подбородокъ и звонко поскребъ въ бородѣ.

— Нѣтъ.

— Заа-снулъ!

Мы замолчали.

— Холодно тутъ у васъ,—сказалъ онъ запахиваясь.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! самъ посинѣлъ весь.

— Мнѣ не холодно.

— Не холодно.

Мы замолчали надолго. Потомъ слышно было, какъ кто-то быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и осыпалъ швейцара градомъ какихъ то вопросовъ. „А, здѣсь“, услышалъ я, и въ комнату ворвался Доппель, я всталъ.

— Гдѣ онъ? А, вотъ онъ, вотъ онъ; поди сюда, mein Junge, du bist ein gutes Junge. Ну, сядь мнѣ на колѣни.

Доппель подхватилъ меня подъ мышки и посадилъ верхомъ на свои колѣни. Потомъ охватилъ ладонями мою голову и сталъ пристально въ меня всматриваться. Я удивленно глядѣлъ на его лице, которое вблизи представлялось совѣмъ новымъ, какъ муха подъ микроскопомъ. Удивленно глядѣлъ я на синеватые, обритые щеки, на видные мнѣ, каждый отдѣльно, рѣдкіе волосы эспаньолки, на желтую, точно лакированную лысину, на растрескавшіеся бѣлки глазъ. Все мнѣ казалось необыкновенно большимъ, явились неподозрѣваемые мною прежде подробности.

— На, на, на—твердилъ про себя Доппель со всѣхъ сторонъ разглядывая мое лицо.—На... Schwarze, kluge Augen... На... А я думалъ сѣрые, овечьи. На, на... Большой лобъ, очень большой, математической. На, на, Gott, какъ я ошибался! На, на, ha!

Я не понималъ, что это значитъ. Вѣрно тутъ что нибудь да не такъ, думалъ я, глядя въ сѣрые, мутные глаза, которые теперь посинѣли и свѣтились тепло. Вѣрно, онъ ошибается. Онъ сейчасъ замѣтитъ это и приметъ бранить меня. А какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ не ошибся! Сердце у меня забилося, когда я подумалъ, какъ бы хорошо было, еслибъ его ласковыя, проникнутыя симпатіей слова дѣйстви-

тельно относились ко мнѣ. Я видѣлъ въ его лицѣ что-то доброе, славное, человѣческое, чего давно не видалъ и чего мнѣ хотѣлось.

Доппель все глядѣлъ на меня. Потомъ онъ торопливо вытащилъ изъ бокового кармана тетрадку.

— Инспекторъ—показалъ мнѣ твою тетрадь, Junge. Прекрасно, превосходно. О, какъ я ошибался въ тебѣ! Всѣ твои задачи великолѣпны!

Я съ довѣріемъ глядѣлъ не его рѣдкую бороду, на плохіе зубы, на чуть сѣдоватые волосы. Я видѣлъ человѣческое, живое, чувствующее лице. Не привыкъ я въ школѣ къ такимъ лицамъ,—и поэтому я не могъ повѣрить, что все это не ошибка.

— Впрочемъ...—продолжалъ онъ, pfui! das ist ein Esel, das ist eine absolute, grenzlose Dummheit... das...

Ну, конечно, онъ ошибся, подумалъ я, впадая въ прежнее, безотрадно-равнодушное состояніе. Такъ то покойнѣй, лучше чѣмъ волноваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ горько и больно стало мнѣ.

— Фуй! это не твоя тетрадь. А, вотъ твоя. Великолѣпно!! Но какъ я могъ, какъ я могъ ошибиться.

Совѣмъ неожиданная радость прокатилась волной по моему тѣлу. Разомъ мракъ разсѣялся и стало ярко и свѣтло на душѣ. Я былъ сильно потрясенъ. Слезы выступили на глазахъ, и я обнялъ худую, желтую, морщинистую шею Доппеля и прижался щекой къ его коловшейся щекѣ. «Слава Богу, слава Богу», радостно твердилъ я про себя, все крѣпче и крѣпче сжимая шею.

— Я тебя обидѣлъ, Ивановъ. Прости меня. Онъ рознялъ мои руки и поцѣловалъ меня въ лобъ, долго присасываясь губами.

— Na, gut, schon gut!—говорилъ онъ, сжимая обѣ мои ладони.—Мнѣ нужно идти. Я даю урокъ тутъ не далеко. Знаешь Кривой перулокъ? Вотъ туда мнѣ нужно. Будемъ друзьями. Adieu, adieu. Ты отличный ученикъ. Онъ отличный ученикъ,—добавилъ Доппель, обращаясь къ купцу.

— Это хорошо,—отвѣтилъ тотъ.—А позволите узнать, какъ сынокъ мой у васъ обучается?

— Какъ его фамилія?

— Нестеровъ-съ.

О, о!!—возопилъ Доппель.—О, вашъ сынъ безграничный оселъ! Adieu, Ивановъ.

Доппель стремительно вышелъ. А я, какъ только услышалъ фамилію купца, какъ только узналъ, что онъ отецъ прибитаго мною сегодня Матрены, разомъ пересталъ быть человѣкомъ и снова превратился въ забитое, ожесточившееся животное. Понятно, жаловаться пришелъ. Съ лица не успѣла еще сойти улыбка радости и удовольствія, губы еще улыбались, глаза еще свѣтились, но лобъ уже сморщился и щеки поблѣднѣли. Такое лице дѣлаютъ маленькія дѣти, когда ихъ, лаская и смѣша, опускаютъ въ холодную ванну.

— Ну, ужъ это чертъ его дери!—произнесъ наконецъ оскорбленный родитель—и вышелъ. Прошло четверть часа, въ которую я не шевельнулся, не измѣнилъ кислосладкаго выраженія лица. Только зубы начали выбивать такую мелкую дробь, что я отъ души дивился ихъ искусству. Наконецъ послышались шаги и въ комнату вошелъ инспекторъ съ купцомъ.

Geh zum Herr Nivas und lass dich in Karzer einsperren,—сказалъ инспекторъ свирѣпо вращая бѣлками. Совѣмъ спокойно, зачѣмъ то поклонившись инспектору и подшаркнувъ ногой (Moriturus te salutat), пошелъ я къ приѣмной.

— Стой! Переведи это г-ну Нестерову по русски.

— Меня велѣли посадить въ карцеръ,—сказалъ мой языкъ. А душа, свернувшись калачикомъ, покойно спала, не видя моего позора.

— И отлично-съ. Тамъ носа никому не поправите.—Сказалъ купецъ, взглянувъ на инспектора.

Инспекторъ сочувственно улыбнулся въ отвѣтъ, даже съ нѣкоторымъ лукавствомъ, издалъ звукъ на подобіе „а“, и „е“ и деликатно потянулъ носомъ изъ табакерки.

Долго бѣгалъ я по корридорамъ, отыскивая Нива. Наконецъ услышалъ его голосъ въ одномъ изъ классовъ. Я отворилъ дверь.

„Prière d'école

«Seigneur! l'ouvrage

„Qui doit remplir ce jour“,

декламировалъ, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, французъ. Онъ училъ, какъ должно произносить стихи.

— Monsieur Nivas, Herr Inspektor приказалъ меня запереть въ карцеръ, сказалъ я. Французъ покраснѣлъ и сверкнулъ глазами.

— Господинъ инспекторъ не можетъ мнѣ приказывать, сказалъ онъ притворно равнодушнымъ голосомъ.—Вотъ вамъ ключъ отъ карцера; можете сами себя запереть.

Нива взялъ меня за руку, выпроводилъ за дверь, а дверь громко захлопнулъ. Я медленно сошелъ съ лѣстницы, точно обдумывая каждый шагъ, вошелъ въ грязную, сырую каморку, заперъ дверь на ключъ, а ключъ просунулъ подъ дверь въ сосѣднюю комнату. Потомъ я сдѣлалъ плачущую физиономію, но не плакалось; я началъ себя укариать, но на третьемъ словѣ замолчалъ. Я былъ совершенно ошеломленъ, совѣмъ сдѣлался животнымъ.

— Что-жь... пускай себѣ! сказалъ я, махнувъ рукой.

К. В.

(Продолженіе будетъ).

Дневникъ русскаго добровольца*).

(Продолженіе).

Я отправился къ начальнику штаба. Внѣшній его видъ невнушительнъ, небольшого роста съ рѣдкими, бѣлокурыми волосами, съ большимъ лбомъ и съ усталыми, суетливыми глазами, не внушающими довѣрія. Я былъ имъ принятъ очень сухо и разсѣянно, онъ дѣлалъ мнѣ понѣскольку разъ одинъ тотъ же вопросъ и назначилъ мнѣ явиться къ главнокомандующему черезъ часъ. Въ 9 часовъ дежурный ординарецъ доложилъ, я былъ принятъ Черняевымъ и передалъ ему порученія. Онъ произвелъ на меня противоположное впечатлѣніе первому. Онъ очень некрасивъ, но необыкновенно симпатиченъ, что то внимательное и доброе свѣтитъ въ его глазахъ, васъ охватываетъ какая-то теплота и беззачетное довѣріе къ этому человѣку, выдла него готовы идти въ огонь и воду. Онъ взялъ у меня депеши и письма и пригласилъ къ себѣ обѣдать... Я поблагодарилъ и пошелъ въ офицерскіе бараки штаба; всѣ въ веселомъ настроеніи: вчерашняя стычка была удачна т. е. ни въ чью, идетъ болтовня объ разномъ вздорѣ, объ войнѣ, между прочимъ всѣ ждуть перемирія, а потомъ и мира; неудачная война всѣмъ надоѣла; а пальба изъ орудій время отъ времени всеидеть да идетъ, не на нее вниманія не обращаютъ. Штабные офицеры чистенькіе нарядные, и сербскій походный мундиръ сидитъ, на нихъ очень элегантно. Боевые офицеры пріѣзжающіе съ позицій, наоборотъ,—загорѣлые, почернѣлые, обносившіеся. Въ часъ я отправился въ штабъ къ обѣду.

Между прочимъ я познакомился тутъ съ капитаномъ Тимковскимъ, адъютантомъ извѣстнаго храбреца Андреева, взорвашаго съ Постельниковымъ турецкій мостъ на Моравѣ. Тимковскій звалъ меня къ нимъ на позицію, но я не могъ ему дать положительнаго отвѣта, такъ какъ еще не получилъ ни какихъ приказаній. Вечеромъ былъ позванъ главнокомандующимъ къ себѣ и пробылъ у него болѣе часа.

Я вышелъ отъ него совершенно имъ обворожанный, мнѣ припомнился Кутузовъ въ „Войнѣ и мирѣ“.

На другой день я явился къ Дохтурову, новому начальнику штаба. Принятъ былъ имъ совершенно не такъ какъ накаунѣ. Онъ былъ со мной изысканно, европейски любезенъ, показалъ и рассказалъ, что мнѣ нужно дѣлать и обѣщалъ дать лошадей и двухъ ординарцевъ, поручивъ

*) Начало печаталось въ №№ 9 и 10.

Своему помощнику все это исполнить и т. д. ничего этого разумѣется не исполнилось, такъ какъ тамъ вообще мало что исполнялось, всякій дѣйствовалъ больше по вдохновенію, но несмотря на это за доброе намѣреніе спасибо.

1-го октября. Поутру идетъ канонада впрочемъ небольшая, такъ отъ скуки, на нее мало обращаютъ вниманія. Днемъ бродилъ по окрестностямъ Делиграда въ тылу арміи; что за живописная путаница, какого только народу тамъ нѣтъ, но прекрасный полъ почти отсутствуетъ. Разговорился съ выздоравливающимъ русскимъ офицеромъ, тяжело подѣйствовалъ на меня его рассказъ.

За ужиномъ послышались сначала рѣдкіе выстрѣлы изъ орудій, которые постепенно учащались. Всѣ переглянулись. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ дежурный ординарецъ и подалъ главнокомандующему депешу. Прочтя ее, онъ сказалъ что-то начальнику штаба, который вскопчилъ и выбѣжалъ. Кононада все усиливалась. Минуть черезъ пять начальникъ штаба вернулся съ донесеніемъ. Черняевъ всталъ и вышелъ, за нимъ бросились всѣ. Турки почему то открыли огонь по всей линіи. Вечеромъ оно представляетъ довольно красивое зрѣлище: блеснетъ молнія, черезъ нѣсколько минутъ глухой раскатъ, а потомъ болѣе слабый ударъ, это разрывъ снаряда.

Поскакали ординарцы въ разныя стороны, мы взобрались на пригорокъ, чтобы лучше видѣть спектакль, толки, догадки, объясненія.

Оказалось, что въ Бобовиштѣ замѣтили нашихъ охотниковъ, отправившихся на рекогносцировку, и открыли пальбу; наша батарея отвѣтила и пошло писать.

Впрочемъ скоро пальба стала затихать, было велѣно ѣхать на наши батареи съ приказаніемъ не отвѣчать. Какъ только мы замолчали, турки также стали умолкать и черезъ часъ все затихло. Но не успѣли успокоиться отъ тревоги, какъ послышались крики „пожаръ“, и дѣйствительно, въ серединѣ штаба загорѣлся шалашъ (шалаша и бараки штаба были сдѣланы изъ досокъ, соломы и камыша), поэтому занялось какъ порохъ. Опять суматоха, команда, крикъ, ранѣе лошадей, пальба патроновъ, которыхъ находилось множество въ каждомъ шалашѣ и, наконецъ, разрывъ турецкой гранаты, поднятой на полъ и оставленной неразряженной. Къ счастью вѣтеръ, который былъ довольно силенъ при закатѣ, теперь стихъ и понемногу огнемъ овладѣли.

Въ нашѣмъ шалашѣ помѣщалось четверо, пришлось помѣстить еще пятерыхъ погорѣльцевъ, вышло немножко тѣсновато за то весело. Рассказы продолжались чуть не до самого утра. Кто уверждалъ, что подожгли турецкіе шпионы, зная что въ Делиградъ привезенъ динамитъ. А по другимъ икажется болѣе достовернымъ свѣдѣніямъ, пожаръ начался съ барака Хлудова.

2 октября. Надоѣло мнѣ слоняться въ Делиградѣ. Жду все распоряженій. Кончу тѣмъ, что самъ распоряжусь, по примѣру другихъ.

Предложили мнѣ поѣхать на ближайшую позицію, я принялъ съ удовольствіемъ, достали коней и отправились, день чудный, безоблачный, жаркій какъ у насъ въ юнѣ. Спускаемся въ долину, въ лѣсу расположены войска и передовая цѣпь. Солдатики у костровъ варятъ себѣ обѣдъ, всюду оживленный говоръ, но подводъ, колъ и всякаго нагроможденія, какъ за Делиградомъ, тутъ уже нѣтъ; стоитъ рота въ строю и обучается отраженію кавалерійской атаки. Кое гдѣ слышенъ русскій говоръ.

Русскіе офицеры подходятъ съ разспросами, нѣтъ-ли чего новенькаго. Турокъ уже не видать, хотя мы теперь очень близко отъ нихъ. Поѣхали потомъ на батарею, но насъ туда не пускаютъ, требуютъ или отзыва или письменнаго разрѣшенія, а мы не запаслись ни тѣмъ, ни другимъ. Вернулись домой, но прозѣвали обѣдъ, пошли въ кафану, тамъ тоже остатки—пришлось удовольствоваться паприкою, похлебка изъ капусты и перцу, любимое кушанье сербовъ, остатками жаренаго поросенка, подъ названіемъ „свинско печенье“.

Вечеромъ, въ одномъ изъ бараконъ, куда собрались пить чай, я познакомился съ молоденькимъ ординарцемъ, замѣчательной красоты. Происхожденія онъ болгарскаго, найденъ былъ въ разрушенной деревнѣ, привезенъ въ штабъ и произведенъ въ ординарцы. Я рѣдко видѣлъ что нибудь болѣе прелестнаго этой головки. Впоследствии я узналъ, что ординарца этого разжаловали за какіе то провинности въ *сестры* милосердія и отправили въ Бѣлградъ въ госпиталь ходить за больными.

3 Октября. Сегодня совершенно неожиданно встрѣтилъ Дубровскаго. Очень другъ другу обрадовались, зовешь съ собой на позицію къ Андрееву въ село Вуканъ, на крайній правый флангъ. Я очень доволенъ этимъ предложеніемъ, ибо въ концѣ концовъ жить при штабѣ когда пріѣхалъ узнать, что такое есть война, скучновато. Пошелъ къ начальнику штаба отпроситься на позицію. Дохтуровъ согласился и даже нашелъ, что это и прекрасно, и что даже это лучшее, что я могу сдѣлать. Ну и прекрасно, постараемся сдѣлать лучше, что можемъ. Я приготовился, надо было выѣхать въ 12 ч., но кола прибыла въ 3 часа. Кое какъ помѣстились не то лежа, не то сидя и тронулись. Кола узкая, полузакрытая, лошади измученныя, еле еле потащили. Всюду по сторонамъ дороги солдаты, шалаши, костры, ружья въ козлахъ, изрѣдка укрѣпленія и орудія.

Переправившись черезъ Мораву по понтонному мосту, очутились на правомъ флангѣ позиціи. Думали доѣхать засвѣтло до Вукани, но не успѣли. Пришлось остановиться въ Шилеговацѣ и переночевать. Пошли на перевязочный пунктъ къ доктору Щербаку просить ночлега. Самый дружескій приемъ и незатѣливый ужинъ. Тутъ опять между его помощниками нашлся знакомый.

4 октября рано поутру поднялись и отправились въ путь. Чѣмъ дальше отъ Шилеговаца, тѣмъ все становилось безлюднѣе, шалаши и солдатки попадаются все рѣжѣ и рѣже, а мѣстность становится все красивѣе. Еслибы турки не были бы такіе трусы, они давнымъ давно могли бы насъ отрѣзать и перерѣзать, мы вѣдь совсѣмъ отдѣлены отъ арміи. Ну, думаю, это не входило въ программу моего путешествія, какъбы не вышло чего не добраго. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ все увеличивающихся подъемовъ, подѣхали къ оврагу, спустились въ него и остановились передъ небольшимъ домикомъ. Вотъ мы и въ Вукани. Пойдемте, я представлю васъ начальнику.

Вуканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мазанокъ разбросанныхъ по тропинкѣ и окруженныхъ фруктовыми садами, у одной изъ мазанокъ небольшая площадка, на ней стоитъ сербскій трехцвѣтный флагъ, это мазанка есть главная квартира полковника Андреева, начальника летучаго передоваго отряда, состоящаго изъ эскадрона драгунъ, (имени генерала Черняева,) батареи изъ двухъ горныхъ орудій, двухъ четъ черногорцевъ и четы сербовъ всего вмѣстѣ людей до четырехсотъ. На склонѣ оврага стоятъ коновязи и солдатскія шалаши. Подъ навѣсомъ устроены столъ и лавки, сидятъ нѣсколько офицеровъ. Дубровскій представилъ меня, съ нѣкоторыми изъ офицеровъ я раньше былъ знакомъ. Ждутъ обѣда и разсуждаютъ о томъ—чѣмъ сегодня угостить ихъ капитанъ. (Капитанъ Штофтъ завѣдуетъ кухней).

Дубровскій былъ посланъ въ Делиградъ съ донесеніемъ о послѣдней экспедиціи, очень удачной и привезъ нѣкоторымъ офицерамъ медали, а Андрееву Таковскій крестъ. Пошли разспросы о Россіи, о положеніи дѣлъ, и т. д., вообще я замѣтилъ, что на позиціяхъ очень мало знаютъ, что происходитъ вокругъ. Поэтому новому человеку въ позиціи очень рады, все таки развлеченіе.

Андреевъ и его сподвижники устроились въ Вукани очень удобно и хозяйственно. Позиція превратилась въ русское помѣстье. Избушка съ двумя комнатами, первая большая, курная, собственно для офицеровъ и вторая маленькая, гдѣ помѣщался начальникъ съ адъютантомъ.

Обзавелись хозяйствомъ, взяли у турокъ въ плѣнъ нѣсколько людей, гусей и барановъ, которыя оказывали много пользы. Здѣсь мирно, спокойно, ни хлопотни, ни суеты, ни интригъ какъ въ Делиградѣ.

Находится Вуканъ на юго-восточномъ склонѣ Ястребацкаго хребта и составляетъ крайнюю позицію праваго фланга. Отсюда Андреевъ спускается въ долину Сербской Моравы, дѣлаетъ неприятности туркамъ въ видѣ сожженія деревень, отнятія обозовъ и взрыванія мостовъ и исчезаетъ въ горы.

Подступающее обѣденное время заставляетъ желудокъ все болѣе и болѣе возбуждаться, начинается ропотъ, что обѣдъ всегда опаздываетъ, что капитанъ занятъ совсѣмъ другимъ, что слѣдовало бы ему сдѣлать внушеніе и г. Андреевъ успокаиваетъ нетерпѣливыхъ подчиненныхъ. Наконецъ появляется супъ. Его встрѣчаютъ громкими возгласами. Молоденькій поручикъ Карасевъ, первый школьникъ въ эскадронѣ, и флегматическій но остроумный маіоръ Кириловъ начинаютъ приставать къ капитану.

— Отчего вы такъ долго не подавали супа, крупа разварилаея такъ, что каша кака-то вышла. Вы вѣроятно этимъ дѣломъ никогда не занимались, а беретесь за него, вѣдь это ни на что не похоже.

Капитанъ начинаетъ оправдываться:—извините господа, въ Вильнѣ самъ Николай Михайловичъ Муравьевъ, сынъ Михаила Николаевича 9 сентября 1867 года изволили похвалить меня за кухню. Вы можете быть слышали когда-нибудь про эту знаменитую фамилію, любезно обращается онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ никогда не слыхалъ, въ первый разъ отъ васъ слышу.

— Такъ-съ, но въ Вильнѣ, гдѣ я служилъ, эта фамилія была очень извѣстна.

— Господа, капитанъ своими интересными разсказами о похожденияхъ въ Вильнѣ хочетъ заговорить насъ, чтобы мы забыли непривлекательность его супа.

— Извините господа, я разсказываю новопріѣзжему нѣкоторыя подробности, которыя вамъ уже извѣстны.

— Вы ужъ разсказывали намъ о девятомъ сентябрѣ пятьдесятъ съ половиною разъ.

— Извините господа, я никогда пятидесяти съ половиною разъ...

— Ну, полноте господа ссориться, добрѣйшій капитанъ, это они изъ зависти къ вамъ на васъ нападаютъ.

— А я такъ нахожу, что обѣдъ не только не худой, а просто на славу изготовленъ я думаю такого обѣда самъ король сербскій никогда не ѣдалъ.

— Какой король сербскій! я такъ думаю, что самого римскаго нунція при китайскомъ дворѣ не кормятъ такими обѣдами.

Капитанъ начинаетъ скромно улыбаться и стыдливо опускаетъ глаза.

— Правда, супъ не дуренъ, но у Дюссо и у Бореля разъ какъ-то былъ лучше, этого опровергнуть никто не дерзнетъ.

Всѣ присоединяются къ этому мнѣнію, говоря, что дѣйствительно не дерзаютъ опровергать, начинаютъ опять приставать къ капитану и требовать отчета.

— Извините, господа Дюссо и Борель обладаютъ болѣе обильными средствами чѣмъ я, лавровымъ листомъ и нѣкоторыми кореньями, которыми они пользуются для приправки и кладутъ въ бульенъ, но Николай Михайловичъ Муравьевъ...

— Знаемъ, знаемъ! 9 сентября васъ похвалилъ.

— Да-съ!

Это ничего не доказываетъ, да и какъ онъ васъ похвалилъ то, можетъ быть въ аллегорическомъ смыслѣ.

— Ахъ кстати, объ аллегорическомъ смыслѣ, какую капитанъ сегодня аллегрію подпустилъ чудо, я никакъ не ожидалъ.

— Что такое — сообщите намъ, вѣдь это не каждый день бываетъ.

— А вотъ что: мы стоимъ и толкуемъ съ маіоромъ, вдругъ подходитъ капитанъ; таинственный видъ его меня сначала испугалъ, но капитанъ меня тотчасъ же успокоилъ и сообщилъ секретъ, который есть въ нѣкоторомъ родѣ та-

лисманъ, и какой талисманъ, представте себѣ отъ всѣхъ болѣзней, а главнымъ образомъ отъ одной, и такъ какъ извѣстно, что военное сословіе часто страдаетъ этой болѣзью, то въ видахъ общественной пользы я вамъ его сообщу.

— Сообщите, сообщите.

— Дѣло вотъ въ чемъ: надо сказать въ самый моментъ: Чирибириби, чериберибо, чирибирибу... и никогда никакая болѣзнь не пристанетъ.

Всѣ находятъ талисманъ капитана геніальнымъ, хотягъ его короновать послѣ обѣда въ-инкомъ и послать его портретъ въ Иллюстрацію.

— Извините, господа, дѣло не такъ было. А съ вашей стороны, маіоръ, очень не хорошо свои слова приписывать невинному человѣку, я господа, никогда не говорилъ чирибириби, а сказалъ это слово самъ маіоръ Кириловъ на кухнѣ, при свидѣтеляхъ—при капитанѣ Арскомъ и маіорѣ Бергѣ, они могутъ сами вамъ засвидѣтельствовать.

— Дѣйствительно, господа, я съ Арскимъ был и на кухнѣ и сами слышали какъ капитанъ сообщилъ свой секретъ маіору. Отъ васъ маіоръ, я этого признаюсь не ожидаю, я думалъ что русский офицеръ никогда не лже свидѣтельствуеетъ, оно не только неприлично, но и грѣшно.

Составляется военный совѣтъ, пускаютъ вопросъ на голоса—могъ ли капитанъ сказать чирибириби или не могъ?

Всѣ единогласно приходятъ къ заключенію, что капитанъ могъ сказать чирибириби, потому что глупый человѣкъ, какъ я, напримѣръ, сказалъ бы что нибудь въ родѣ кукуку или кикикики, а капитанъ, какъ человѣкъ далеко не глупый, сказалъ чирибириби, слово и умное и по всей вѣроятности весьма полезное.

Капитанъ совершенно обиженный встаетъ и уходитъ, за нимъ бѣгутъ, просятъ прощенья, увѣряютъ, что больше никогда не будутъ на него клеветать, что хотѣли только испытать твердость его характера и убѣжденій, наконецъ и съ триумфомъ приводятъ назадъ и исторія начинается снова...

Послѣ обѣда Андреевъ предложилъ мнѣ ѣхать съ поручикомъ Ведринскимъ въ разѣздъ на аванпосты, надо было передать медаль одному офицеру находящемуся тамъ, и посмотреть на непріятельское расположеніе.

Чудесныя картины. Дорога вела сначала по берегу горнаго потока, потомъ взшла въ старый буковый лѣсъ оригинальнаго колорита, толстые стволы деревьевъ были пепельно-сѣдаго цвѣта, а земля была услана темнокрасными обвалившимися листьями. Переваливъ черезъ гору и проѣхавъ сербскую границу, которая идетъ по самой вершинѣ Ястребаца и отдѣляетъ Сербію отъ Турціи низенькими каменными заборами, передъ нами открылся обширный видъ добѣ лины Сербской Моравы; по ней разсыпаны леньки, полуразрушенныя деревни, одна дымилась, она была подожжена наканунѣ нашимъ эскадромъ, и вдали, у подошвы двугла вой горы, бѣлой точкой виднѣлся Нишъ. Исполнивъ порученіе, мы миновали передовые пикеты и спустились въ долину. Турокъ нигдѣ не было, но слѣды ихъ остались. Проѣзжая по разрушенной деревнѣ, мы увидѣли нѣсколько сербскихъ головъ на кольяхъ, между ними была одна женская. Когда мы взобрались опять на гору было уже темно, пришлось спѣшить и вести лошадей въ поводу. Сдѣлавъ заворотъ, мы увидѣли весь турецкій лагерь какъ на ладони; онъ ярко пылалъ кострами, въ серединѣ находился правильнѣйшій четырехугольникъ вѣроятно главная квартира, доносились звуки военной музыки.

Путешествіе по Италіи отъ Альпъ до Этны.

Часть первая: отъ Альпъ до Арно.

Гардское озеро.

Къ Гардскому озеру черезъ Тироль ведутъ двѣ дороги. Одна изъ нихъ идетъ отъ Мори къ Рива, — это навболѣе извѣстная; другая — менѣе извѣстная, но много несравненно красивѣе, — отъ Трианта черезъ Саркатскую долину. Едва лишь путешественникъ оставитъ городъ, какъ передъ нимъ открывается гигантское ущелье — Visco di vela; надъ его отвѣсными скалами едва-едва замѣчается кусокъ голубаго неба; между скалами пріютилась тощая осина. Мѣстами протекаетъ горный ручей, приводя въ движеніе нѣскольکو мельницъ; наконецъ, понадается небольшое озеро, Терлаго, окруженное скалами. Глубина озера, говорить, неизмѣрима. Такихъ горныхъ озеръ, чрезвычайно мало въ этой долинѣ: они составляютъ даже ея отличительный признакъ и указываютъ на близость Гардскаго озера.

Послѣ Терлаго, вы встрѣчаете другое озеро, — lago

Крестьянка изъ окрестностей Трианта.
(Къ «Путешествію по Италіи»).

Tobliно, изъ водъ котораго выступаютъ стѣны древняго, римскаго укрѣпленія. На берегахъ этого озера разстилается чисто южная растительность; но за тѣмъ передъ путешественникомъ выступаютъ снова скалы и длинная, горная, извилистая и утомительная дорога, — Pietra murata, — которая приводитъ его къ новому озеру, lago di Cavedine. Но вотъ и послѣдній верстовой столбъ на пути къ Гардскому озеру: это круглая скала съ укрѣпленнымъ замкомъ на вершинѣ. Этотъ замокъ — древнее достояніе знаменитыхъ графовъ д'Арко. Оставивъ позади скалу, путешественникъ достигаетъ наконецъ цѣли, Гардскаго озера...

Передъ нимъ — обширное водное пространство; шумъ волнъ и почти синій цвѣтъ ихъ напоминаютъ Адриатику. Но туристъ еще только въ Ривѣ и сидитъ на небольшой, высокой террасѣ, подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ, покрытыхъ плодами; онъ слѣдитъ глазами за играющими на берегу дѣтьми и за качающейся отъ прилива волнѣ лодкой, которой парусъ скоро исчезнетъ въ туманѣ. Это — Рива; въ самомъ звукѣ этого имени уже вѣетъ очарованіе юга...

Гардское озеро, — lago di Garda, — самое большое изъ италіянскихъ озеръ; своею окруженностью, равняющейся 120 километрамъ, Гардское озеро на цѣлую треть превосходитъ объемомъ даже lago Maggiore. На берегахъ Гардскаго озера сходятся границы италіянскаго Тироля, Венеціанскаго Округа и Ломбардіи. Озеро, главнымъ образомъ, пополняется рѣками, текущими изъ альпійскихъ горъ и въ свою очередь образуетъ Минчио, — рѣку, съ именемъ которой соединено столь-

ко историческихъ воспоминаній. Здѣсь всемирная исторія оставила свою роковую печать; здѣсь недалеко, знаменитый четырехугольникъ; воды Гардскаго озера наполняютъ обширныя болота, которыя начинаются около Мантуи и тянутся на десятки миль. Сколько человеческой крови было пролито, пока и здѣсь раздался, наконецъ, побѣдный крикъ: Euviva l'Italia!

Очертанія озера необыкновенно разнообразны. На сѣверѣ берега отличаются крутизной: тутъ громадятся еще скалы Тироля; Монте-Бальдо и Монте-Адамо выдѣляются на голубомъ небѣ своими длинными линиями, зубчатая бухта прорѣзываетъ берегъ, поверхность озера суживается. Но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе мѣняется эта картина: она какъ будто растетъ передъ нашими глазами: озеро становится все шире и шире. На право и на лѣво тянутся ряды холмовъ, и наконецъ пейзажъ дѣлается ровнымъ и на немъ господствуютъ одиѣ волны. Тутъ, Гардское озеро совершенно теряетъ характеръ горнаго озера: это, такъ сказать, та же ломбардская долина, только залтая водой. Здѣсь легко можно убѣдиться, что озеро, въ этомъ мѣстѣ, возвышается не болѣе, какъ на шестьдесятъ четыре фута надъ уровнемъ моря.

Самые острова, разбросанные по озеру, невысоки и совершенно лишены тѣхъ разщелинъ и трещинъ, которыя свидѣлствуютъ въ другихъ мѣстахъ о борьбѣ выдержанной за существованіе.

Сермійскій полуостровъ, глубоко врѣзавшійся въ озеро, на южной сторонѣ его, покрытъ густымъ лѣсомъ оливковыхъ деревьевъ, которыя придаютъ особенно мягкой и граціозный характеръ мѣстности.

Здѣсь начинается исторія Гардскаго озера, но не та исторія, которая пишется строгимъ и сжатымъ слогами древнихъ историковъ, а та, которая породила сладкозвучныя пѣсни Катутла, — поэта-лирика.

Уже 2000 лѣтъ тому назадъ всесвѣтныя завоеватели наши на своемъ пути прекрасное озеро. Но безпокойному духу Цезарей нѣкогда было останавливать вниманіе на его мирныхъ водахъ; онъ рвался далѣе, въ Галлію и въ лѣса Германіи, но поэтъ былъ очарованъ бирюзой прелестныхъ водъ и не пожелалъ для себя ничего болѣе.

Небольшой городокъ прежде расположенный на этомъ мѣстѣ, а теперь оставившій послѣ себя одиѣ только развалины, — назывался Серміо; его то воспѣваетъ Катутль, когда послѣ долгаго отсутствія, онъ возвращается и поселяется въ Серміо.

O quid solutis est beatius curis?

Кто знакомъ съ пѣснями Катутла, тотъ и теперь почувствуетъ въ нихъ тихій плескъ волнъ, вдохновившихъ поэта.

Виргилій въ своихъ пѣсняхъ и Данте въ „Divina Commedia“ упоминаютъ о Гардскомъ озерѣ. Но и рука сильныхъ міра нѣрѣдко стремилась овладѣть роскошнымъ озеромъ. Вассалы и побѣдители ихъ, осаривали другъ у друга обладаніе имъ; на берегахъ его мы встрѣчаемъ знаменитѣйшіе роды Вероны и Венеціи съ оружіемъ въ рукахъ; императоръ и церковь, Гвельфы и Гибеллины ведутъ здѣсь борьбу и нѣрѣдко своими расприями омрачаютъ прелестную мѣстность... На Монте-Рокка, которой вершины поднимаются надъ озеромъ, до сихъ поръ видны развалины сѣрой башни, гдѣ заключена была Аделаида, вдова Лотара. Фридрихъ Барбаросса подарилъ, а Гейнрихъ продалъ эту мѣстность, пока наконецъ явились новыя

поколѣнія, которыхъ единственное право заключалось въ силѣ.

Всего однакожъ сильнѣе разгорались распри и междоусобія въ то время, когда власть Венеціи достигла полнаго своего разцвѣта, когда большіе и малые города воевали между собой и когда каждый дворянинъ былъ ратникомъ.

Въ 1439 году, герцогъ Миланскій Филиппъ-Марія-Висконти велъ войну съ Венеціей. Онъ былъ всецѣленъ на сушѣ; Венеція царяла на морѣ. Герцогъ своими наемными войсками занялъ мѣстность около Гардскаго озера и утвердился тутъ, между тѣмъ, какъ венеціанцы дрались подъ Гатемалатой. Имъ пришла смѣлѣйшая мысль послать часть своего флота въ Гардское озеро.

Выполненіе плана было чрезвычайно трудно: суда пришлось перевозить на лошадяхъ, везти ихъ черезъ горы, устраивали мосты надъ пропастями между долиною Эча и Гардскимъ озеромъ. Въ началѣ этого плана казался нелѣпностью, несбыточной мечтой, — надъ нимъ насмѣхались, но Венеція недаромъ заслужила названіе всемогущей, и дѣло было сдѣлано. Для перевоза тридцати судовъ потребовалось двѣ тысячи лошадей. До Раванцони суда плыли по Эчу; далѣе ихъ везли сухимъ путемъ до озера Лаппіо; потомъ, черезъ Монте-Бальдо венеціанскій флотъ попалъ въ Гардское озеро. Съ ужасомъ увидѣли передъ собой мѣстные жители цѣлый лѣсъ мачтъ. И все такъ, въ началѣ, успѣха не было: венеціанская Армада была почти въ концѣ уничтожена. Только второй,

венетіанскій флотъ, построенный на мѣстѣ и укрѣпившійся близъ Торболы, одержалъ побѣду надъ Миланцами.

Это была не послѣдняя кровь, пролившаяся здѣсь и не послѣдній флотъ, сражавшійся здѣсь. Не только Наполеоновскія войны, не только 1849 годъ, пришлось пережить Италіи,—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Гардское озеро увидѣло смѣлые огряды волонтеровъ съ итальянскимъ флагомъ. Ихъ артиллерія, господствовавшая здѣсь, нерѣдко прерывала сообщеніе между Ривою и Пескьерою; нерѣдко раздавалось привѣтствіе тихо скользящей по волнамъ лодкѣ: „Evviva l'Italia!“ „Evviva Garibaldi!“

(Продолженіе будетъ).

Хроника иностранной литературы

Французская беллетристика обогатилась за послѣднее время нѣсколькими произведеніями, на которыхъ стоитъ остановить вниманіе читателей.

Во главѣ этихъ новыхъ приобрѣтеній французской литературы стоитъ новый романъ Эмиля Зола, *L'assomoir*, надѣлавшій много шума при своемъ появленіи, возбуждшій оживленную полемику и имѣвшій громаднѣйшій успѣхъ. Романъ этотъ составляетъ седьмой томъ обширной эпопеи: — „Ругоны-Маккаръ, естественная и социаль-

окончившей свою жизнь въ страшной бѣдности на какомъ-то чердакѣ. Около этой главной фигуры сгруппировано нѣсколько лицъ изъ той-же среды. Читатель присутствуетъ при разнообразныхъ пережитіяхъ этой простой и вмѣстѣ ужасной жизненной драмы. Авторъ вводитъ его въ удушливую атмосферу парижскихъ рабочихъ, не освѣщенную образованіемъ; онъ показываетъ намъ, какъ вся жизнь этихъ людей уходитъ на удовлетвореніе чувственныхъ, животныхъ потребностей, они только и думаютъ о томъ, чтобы напиться до безчувствія въ погребокѣ, который въ виду губительныхъ, съ ногъ сплибающихъ свойствъ продаваемыхъ тамъ напитковъ носить названіе бойни (*assomoir*). Винный погребокъ—вотъ центръ рабочаго класса, притягивающій къ себѣ мало-по-малу даже лучшихъ его представителей, и въ этомъ значеніи погребка весь грустный, скажемъ болѣе—ужасающій смыслъ новаго романа. Весьма естественно, что такая безпощадная картина рабочаго быта оказалась вовсе не по нутру тѣмъ французамъ публицистамъ, которые только и бредятъ, что рабочими, и въ нихъ видятъ соединеніе всѣхъ добродѣтелей; весьма естественно также, что эти публицисты набросились на автора со всякаго рода обвиненіями. Но всякій безпристрастный человекъ согласится, что романистъ по самой задачѣ сво-

цами старой школы находятся въ „остромъ“ своемъ фазисѣ; этимъ, какъ намъ кажется, должно объяснить и то упрямство, съ какимъ тотъ-же Эмиль Зола въ своихъ „парижскихъ письмахъ“, ежемѣсячно появляющихся въ Вѣстникѣ Европы, проводитъ до абсурда свои идеи, представляющіяся вполне законными и заслуживающія полной симпатіи, если смотрѣть на дѣло менѣе односторонне. — Другой реалистъ, представитель одного съ Зола литературнаго направленія, Эдмонъ Гонкуръ, издалъ новый свой романъ „*La fille Elisa*“, это первое произведеніе, написанное имъ послѣ смерти его брата и сотрудника Жюльа. „*La fille Elisa*“ подвергалась тѣмъ-же обвиненіямъ въ безнравственности какъ и романъ Зола, и къ произведенію Гонкура вполне относится то, что мы только что сказали о *L'assomoir*. Дѣйствительно сюжетъ, выбранный Гонкурромъ, весьма щекотливаго свойства, и другой писатель съ нѣкоторой хотя-бы наклонностью къ скабрезному, могъ-бы сдѣлать изъ этого сюжета романъ весьма циничный, но такъ какъ она написана Гонкурромъ, исторія Элизы производитъ впечатлѣніе весьма продуманнаго этюда женскаго характера на нисшихъ ступеняхъ современнаго общества. А вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ романъ въ послѣдней своей части есть весьма блестящій памфлетъ противъ проекти-

Замокъ Арко въ Саркской долинѣ.
(Къ «Путешествію по Италіи.»)

ная исторія одного семейства при второй имперіи. Въ предшествовавшихъ томахъ Зола знакомилъ читателя съ разнообразными общественными слоями Франціи во времена Наполеона III, съ аристократіей чиновной и денежной, съ буржуазіей болѣе или менѣе крупной, съ духовенствомъ; онъ анализировалъ съ большимъ мастерствомъ присущіе этимъ общественнымъ слоямъ недостатки и безжалостно обнаруживалъ ту степень развращенности, до какой довела французское общество господствовавшая недавно во Франціи правительственная система. Въ новомъ своемъ романѣ Зола остановился на классѣ рабочихъ, который до послѣдняго времени оставался не разработаннымъ въ литературѣ, и отнесся къ этому классу съ той-же неподкупной правдивостью, какая составляетъ отличительную черту его романовъ. Онъ изучилъ и эту среду весьма подробно, со всѣми отгѣнками ея быта, съ ея особеннымъ жаргономъ и плодомъ такого изученія явился „*L'assomoir*“, который свидѣтельствуетъ о весьма близкомъ и подробномъ знаніи авторомъ всѣхъ мелочей описываемой среды. Романъ этотъ не отличается особеннымъ интересомъ содержанія въ смыслѣ внѣшней занимательности, болѣе или менѣе запутанной интриги; это простая исторія постепеннаго паденія одной парижской прачки Жервезы, съ молodu бывшей хорошей и честной работницей и

ей призванъ къ правдивому изображенію дѣйствительности, какъ-бы не привлекательна она ни была, и что тотъ романистъ, который-бы изъ за соображеній публицистическаго свойства поступилъ правдивостью описаній, совершилъ-бы проступокъ противъ лежащихъ на немъ обязанностей. Авторъ своимъ новымъ романомъ вызвалъ упреки изъ другаго лагеря, его обвиняютъ въ циничности, въ стремленіи угодить низкимъ вкусамъ массы; эти упреки точно также кажутся намъ неосновательными. Правда, авторъ вводитъ въ своемъ новомъ романѣ такіа слова и выраженія, которыя обыкновенно въ печати не употребляются, онъ быть можетъ употребляетъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ излишни и не вызываются требованиями типичности и правдивости, но объясняется это кажется вполне тѣмъ, что авторъ такъ сказать побоялся хотя-бы на шагъ отступить отъ столь горячо защищаемой имъ теоріи реализма въ романѣ. Создавая бытовую картину жизни рабочаго класса, Зола хотѣлъ воспроизвести ее съ фотографической вѣрностью, онъ вставилъ въ нее и тѣ черты, которыя могли-бы съ успѣхомъ быть выпущены въ видахъ литературныхъ приличій, но во всякомъ случаѣ отсюда до тѣхъ грязныхъ побужденій, о которыхъ мы выше говорили, весьма далеко. Вообще во французской прессѣ борьба новой „реалистической“ школы беллетристовъ съ привержен-

руемыхъ во Франціи тюремъ, основанныхъ на системѣ молчанія. Намъ кажется, что Гонкуръ имѣлъ полное право сказать про свою новую книгу, что она цѣломудренна и что при всей щекотливости сюжета она можетъ вызвать въ читателѣ только грустныя впечатлѣнія.

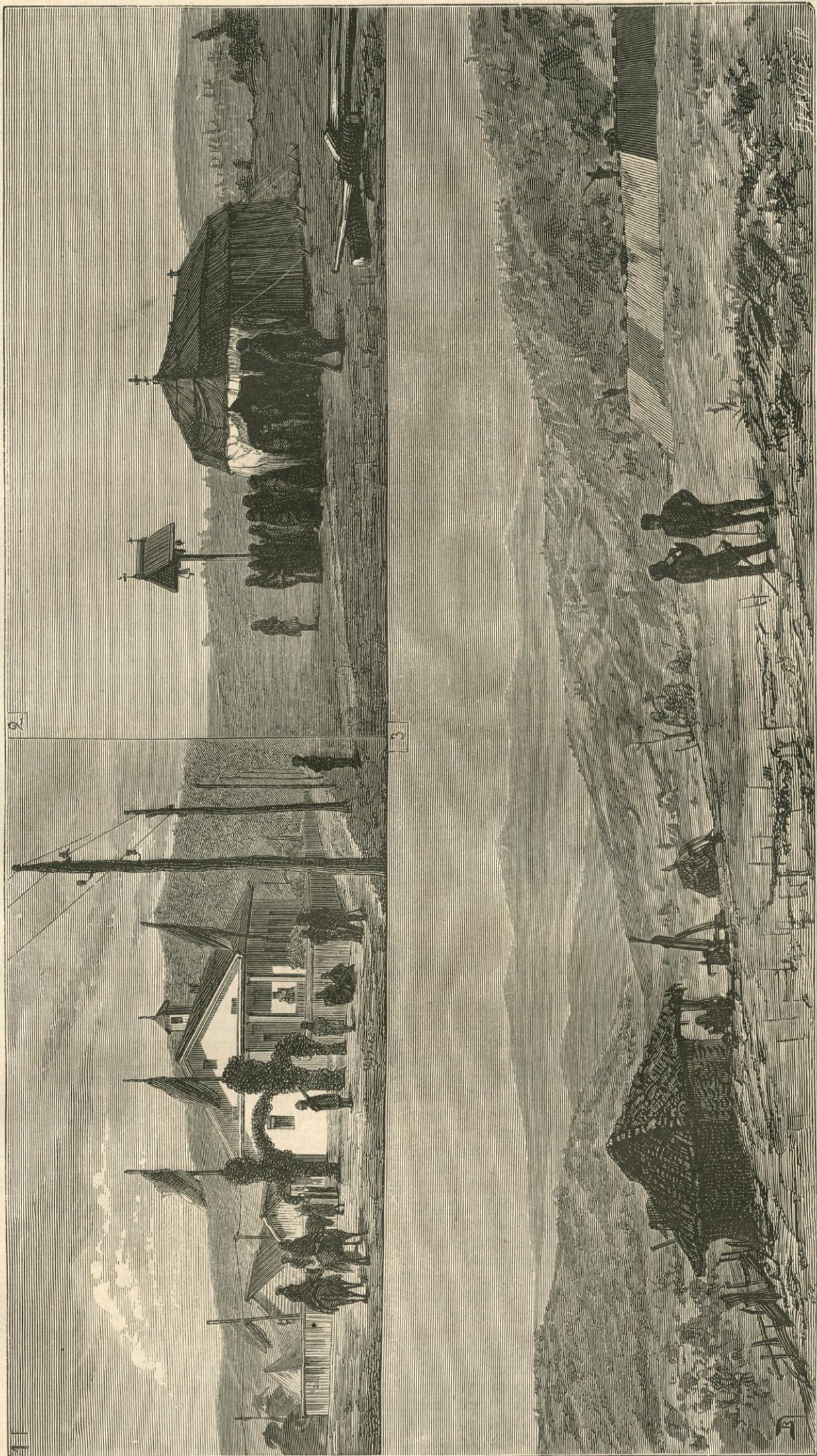
Открывается романъ весьма живо написанной сценой суда надъ падшей женщиной Элизой, убившей своего возлюбленнаго, простаго линейнаго солдата. Сцена эта составляетъ прологъ, затѣмъ въ первой части идетъ біографія Элизы, рассказывается шагъ за шагомъ ея невеселая жизнь вплоть до того дня, когда она совершила преступленіе, за которое чуть-чуть не поплатилась головой. Какъ на достоинство этой первой части мы можемъ указать на полную объективность автора, авторъ не выдвигается впередъ съ своими собственными симпатіями, онъ отнюдь не старается разжалобить васъ, не выставляетъ своей героини, если только такъ можно выразиться объ Элизѣ, необыкновеннымъ существомъ. Писатель съ мелодраматическими поползновеніями сдѣлалъ-бы изъ Элизы несчастную жертву мужскаго коварства, покинутую человекомъ, обольстившемъ ее, онъ-бы яркими красками очертилъ-бы вамъ какое-нибудь фатальное стеченіе обстоятельствъ, повлекшее за собой „паденіе“ несчастной дѣвушки, и вышла-бы трогательная, эффектная исторія, въ ко-

Путешествіе по Италіи отъ Альпъ до Этны.

У Палаццо-Сарденья въ Триентѣ.

Изъ альбома русскаго добровольца.

1. Главная квартира М. Г. Черняева.—2. Походная церковь въ Делиградѣ, присланная Московскимъ славянскимъ комитетомъ.—3. Долина на Моравы передъ Делиградомъ. Батарея Кн. Милана.

Ориг. рис. В. Д. Полънова.

торой-бы одного только не было-бы—правды. У Гонкура-же Элиза самая обыденная женщина съ большими недостатками, скажем болѣе—пороками, но не лишенная вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ хорошихъ чертъ человѣческаго характера. При всей своей неприглядности, Элиза невольно заинтересовываетъ читателя, чувствуешь, что это живое существо, что такихъ женщинъ много въ поддонкахъ современнаго общества и что печальная жизнь ихъ заслуживаетъ общественаго вниманія.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Теодоръ Горшельтъ.

(Адриана Прахова).

Письма и записки Т. Горшельта.

(Продолженіе).

Кавказъ.

II.

Извлеченія изъ писемъ и рабчихъ альбомовъ.

1858—1863 г.

Восемнадцатаго числа мы выступили на Ведень; шли все вдоль Басса, то спускаясь въ долины, то поднимаясь на высоты; нашъ караванъ казался безконечнымъ и двигался какой-то чудовищной черной змѣей по глубокому снѣгу. Изъ орудій можно было взять съ собою только небольшія горныя пушки и мортиры, которыя гдѣ тянулись, а гдѣ, на трудныхъ мѣстахъ, взваливались и на лошадей; большій калибръ не могъ еще проѣхать по такой дорогѣ. Сегодня мы заночевали, послѣ усиленнаго перехода въ широкой долины, гдѣ прежде росъ лѣсъ, а теперь все мѣсто было покрыто тысячами поваленныхъ деревьевъ. Мы находились, приблизительно, верстахъ въ двѣнадцати отъ Веденя. Здѣсь начинаются такъ называемыя Черныя горы, получившія, конечно, это названіе отъ густыхъ лѣсовъ, но высота ихъ ничтожна, сравнительно съ горами, которыя намъ приходилось преодолевать въ лезгинскую экспедицію, и самыя значительныя, на мой взглядъ, не достигаютъ и четырехъ тысячъ футовъ.

Тѣмъ не менѣе перевозка нашихъ пушекъ можетъ все-таки считаться въ числѣ маленькихъ чудесъ, потому что на пути часто представлялись чудовищныя затрудненія то отъ совершеннѣйшей распутицы, то, въ болѣе холодные дни, отъ гололедицы, покрывавшей всѣ склоны. При подъемахъ впрягались въ пушки сотни солдатъ и, задыхаясь и надрываясь, трогали съ мѣста тяжелую машину; еще затруднительнѣе перевозка на спускахъ.

Сегодня, въ воскресенье, послѣ обѣдни, солдаты получили лишнюю порцію водки, по случаю празднованія конца русской масляницы, и ужасно веселы. Бѣдняги всѣмъ довольны и нѣтъ, навѣрно, въ мірѣ людей, болѣе умѣренныхъ и неприхотливыхъ. Съ сентября уже ведутъ они войну, одѣты только въ небольшой бараній тулупчикъ и свою шинель, валять съ ранняго утра и до поздняго вечера нескончаемые лѣса, проводятъ дороги черезъ горы, ѣдятъ плохо и мало, иной день даже и вовсе не ѣдятъ, если, по случаю распутицы, запоздаетъ подвозъ провіанта и, при всемъ этомъ, ждуть не дождутся своего пѣнія.

Откуда берется у этихъ людей веселость — для меня загадка; у меня-бы она давнымъ давно пропала, особенно при мысли, что тутъ дѣло не шутка, не двѣ какихъ нибудь экспедицій, какъ у меня; а тянется исторія изъ года

въ годъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ службы. Однимъ словомъ, русскій солдатъ *безцѣнный* человекъ и вызываетъ во мнѣ такое уваженіе къ себѣ, какого я не чувствовалъ еще ни передъ одной націей.

На другое утро мы выступили рано; было еще совсѣмъ темно. Не знаю, что дѣлалось у другихъ на душѣ, но меня охватила какая-то торжественность. Ведень, знаменитый Ведень, гдѣ такъ долго прожилъ Шамиль; Ведень, котораго всѣ горцы считали неприступнымъ, гдѣ Шамиль поклялся умереть, — черезъ нѣсколько часовъ я его увижу! Авангардъ уже давно ушелъ, по обѣимъ сторонамъ дороги собиралась пѣхота къ выступленію, или, сидя у костровъ, поспѣшно дождались еще похлебку, свой завтракъ, а можетъ быть и обѣдъ. Ѣхавшіе съ нами казаки сидѣли на своихъ сѣдлахъ какъ въ тискахъ, между двумя тяжелыми вязанками сѣна, и большинство изъ нихъ тащило еще съ собою ракетныя песты; они мелькали какими-то неопредѣленными силуэтами на едва-едва еще только сѣрѣвшемъ небѣ. Сдѣлавши версты двѣ, мы спустились въ глубокой оврагъ, лежавшій у насъ на пути, гдѣ цѣлый батальонъ усердно работала надъ поправкой дороги. Тутъ была страшная давка: пѣхота, конница, вьючныя и артиллерійскія лошади—все это перепуталось до того, что, казалось, не было никакой возможности пробиться сквозь эту толпу. Къ тому-же утро чуть-чуть еще начинало брезжить, ни шума, ни крика, все говорило въ полголоса — просто восхитительный образчикъ боевой жизни. Взобравшись по другую сторону ущелья, мы потянулись по плоской возвышенности и, черезъ часъ пути, у нашихъ ногъ зіяла опять новая пропасть; по ту сторону ея виднѣлось трое неприятельскихъ шанцевъ, но, очевидно, оставленныхъ. Налѣво отъ насъ лежало чеченское кладбище, дальше чернѣлъ небольшой аулъ. Плоскіе камни, лежащіе или стоящіе, круглые, древянные столбы, оканчивающіеся въверху огромной, круглой шапкой, на подобіе гриба, высокія жерди съ желѣзнымъ остриемъ и небольшимъ флагомъ сверху, а подъ нимъ маленькое, тоже желѣзное, серпообразное украшеніе: вотъ атрибуты такого кладбища. Направо шли Черныя горы, понаправленію къ Веденю, по краю которыхъ пробирался полковникъ Бажановъ съ пятью батальонами, сотней казаковъ и нѣсколькими орудіями; онъ долженъ былъ обойти Ведень и занять за нимъ свою позицію на горѣ, называемой Лена-Кортъ.

Теперь вошло солнце и, гдѣ не было по горамъ лѣсу, виднѣлась двигавшаяся колонна, тонкой черной линіей; утомительно и тяжело было идти по глубокому снѣгу. Здѣсь, передъ ущельемъ, генералъ сошелъ съ лошади и мы стали поджидать на небольшомъ холмѣ, въ совершенномъ безмолвіи, Божановскаго сигнала, четырехъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые должны были сказать намъ, что Бажановъ благополучно обошелъ Ведень и стоитъ надъ нимъ. Воздухъ былъ морозный, передъ нами спускалась пѣхота въ лошину, мы же стояли неподвижно, прислушиваясь къ сигналу. — И наконецъ, наконецъ донесся къ намъ глухой, едва слышный звукъ, потомъ второй, третій, четвертый.

„На коней, съ Богомъ впередъ!“ сказалъ генералъ. Мы стали спускаться въ глубокое ущелье; трудно было и лошадямъ и людямъ, такъ какъ здѣсь кончалась всякая дорога, земля сильно промерзла, да и наши дровосѣки еще не успѣли проникнуть такъ далеко. Мы попали въ лѣсъ въ заросли низкаго колючаго кустарника; когда мы выбрались опять по другую сторону, мы нашли тамъ множество остатковъ начатыхъ редутовъ, которые шли по краю склона; подъ ихъ прикрытіемъ неприятель могъ-бы очень затруднить переходъ. Тутъ опять простояли съ доброй часъ, пока не взобрались на верхъ пѣхота, задыхаясь и обливаясь потомъ, нагруженная всякой поклажей и шанцевыми орудіями. Затѣмъ мы опять стали углубляться въ лѣсъ. Безмолвно двигался нашъ длинный отрядъ среди чащи, ожидая каждую минуту нападенія, но все было тихо — только [снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣхоты. Тамъ и сямъ стали теперь раз-

даваться выстрѣлы изъ стрѣлковой цѣпи, но отъ глубокаго снѣга звукъ былъ такъ глухъ, точно кто колотитъ палкой по пуховой подушкѣ. Еще разъ прошли мы по густо заросшей глубокой лошину; потомъ, послѣ долгаго нырянья то внизъ, то вверхъ, мы выбрались изъ лѣса и очутились на высотѣ, съ которой видна была внизу равнина, окруженная горами. Въ концѣ ея, верстахъ въ восьми отъ насъ, тянулись вверхъ, изъ за двойнаго ряда холмовъ, высокіе столбы дыма, и наши проводники — туземцы, между ними и когда-то славный наибъ Баку, объявили намъ, что это, навѣрно, горитъ Ведень, зажженный и оставленный неприятелемъ. (Дымъ, однако, выходилъ; какъ мы узнали позднѣе, изъ небольшого предмѣстья, лежавшаго у самого Веденя, гдѣ проживали русскіе дезертеры. Неприятель поджегъ его). За Веденемъ подымались уже болѣе высокія горныя цѣпи, начало Андійскихъ и Дагестанскихъ горъ.

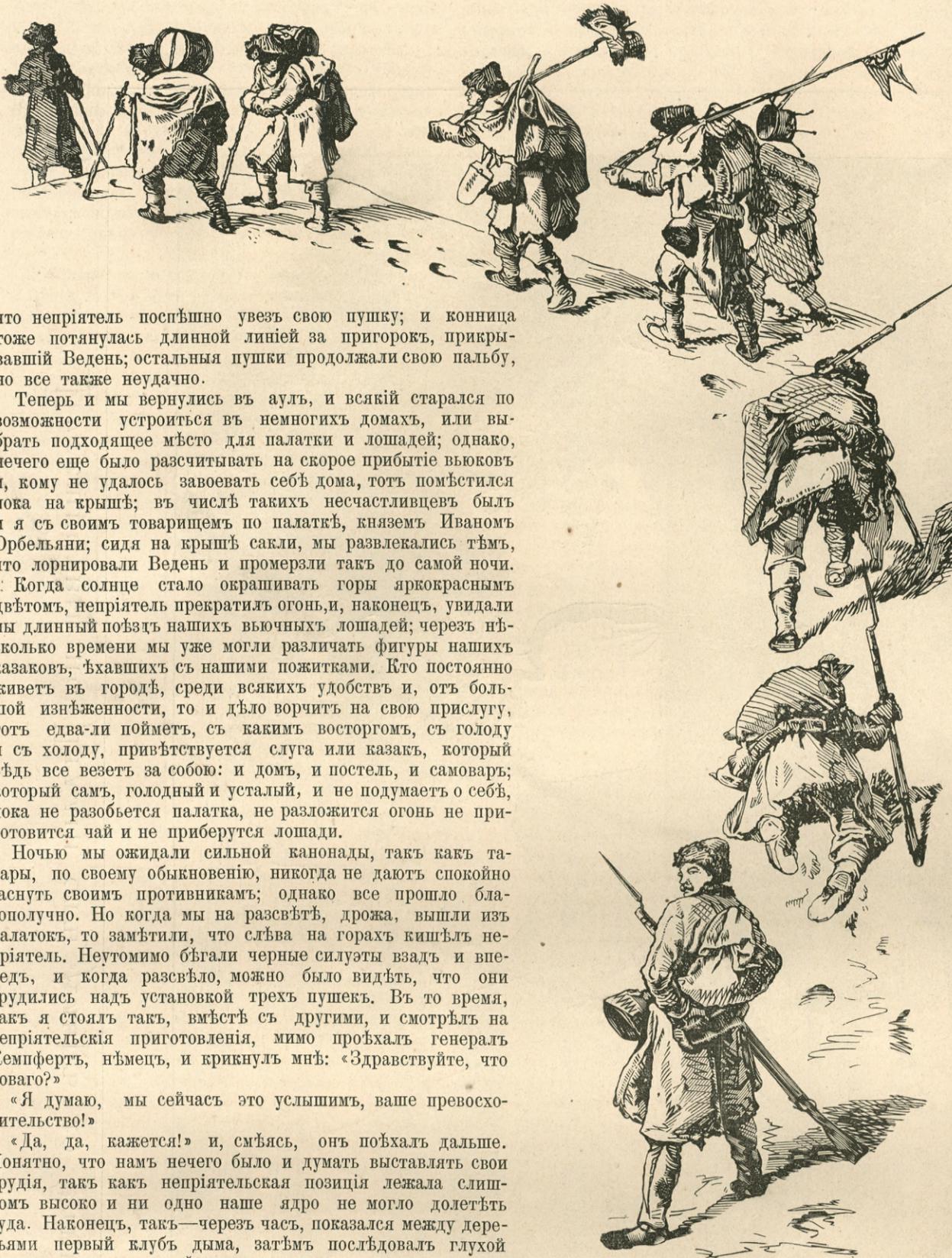
Было теперь, должно быть, около восьми часовъ утра и солнце благотворно сіяло надъ ослѣпительно бѣлымъ ландшафтомъ. Такъ какъ мы были на ногахъ съ трехъ часовъ утра и почти ничего еще не ѣли, то генералъ пригласилъ насъ позавтракать здѣсь на скорую руку, въ ожиданіи, пока подойдетъ конецъ пѣхоты. Между тѣмъ мимо насъ проходили войска, измученныя, тяжело волоча ноги, и множество страстныхъ взоровъ устремлялось на нашъ скромный завтракъ: но угощенія не хватило-бы на всю братію.

Черезъ часъ мы поднялись тоже и вскорѣ очутились въ равнинѣ. На разстояніи пушечнаго выстрѣла передъ Веденемъ лежалъ небольшой покинутый аулъ, который Евдокимовъ назначилъ подъ лагерь. Едва мы вошли въ него и выѣхали съ генераломъ на рекогносцировку съ противоположной стороны, какъ неприятель открылъ огонь изъ пяти орудій; многочисленная конница вылетала то тамъ, то сямъ, и вскорѣ у нея завязалась перепалка съ нашими линейными казаками. Со свистомъ ударились ядра въ землю передъ нами и позади насъ; но неприятель бралъ все или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко и только черезъ полчаса ударило ядро, влѣво отъ насъ, въ расположившійся на снѣгу батальонъ и убило нѣсколько солдатъ.

Настоящее, точное расположеніе и видъ Веденя все еще нельзя было хорошо опредѣлить, потому что рѣзко выдававшійся холмъ закрывалъ его такимъ образомъ, что виднѣлся только небольшой конецъ его, между тѣмъ какъ отъ остальной части высовывались изъ за холма болѣе высокія постройки и, между прочимъ, виденъ былъ домъ Шамиля, выдѣлявшійся своею высокою, острой, русской крышей. Этотъ видимый намъ конецъ былъ сильно укрѣпленъ турскими, снабженъ по угламъ двумя редутами, выступавшими полукругомъ и изукрашенными множествомъ флаговъ, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. За Веденемъ, по параллельной линіи, тянулся длинный пригорокъ, высоко подымавшійся надъ ауломъ и стоявшій независимой горной гранью; только съ одной стороны онъ соединялся съ упомянутой болѣе высокой горой, на которой давно расположился полковникъ Бажановъ и время отъ времени кидаль въ деревню небольшія горныя гранаты.

Здѣсь возвышались, защищая Ведень, пять огромныхъ, сильныхъ редутовъ; отсюда и частью изъ аула неприятельская артиллерія открыла сильный огонь и палила себѣ на просторѣ въ свое полное удовольствіе, за исключеніемъ одной пушки, поставленной еще въ равнинѣ передъ Веденемъ, которой мы отвѣчали, съ своей стороны, изъ нѣсколькихъ небольшихъ горныхъ пушекъ, угощая ее всѣмъ, чѣмъ сами были богаты. На полдорогѣ туда, на берегу ниспадающаго противъ насъ Хулхулу, стояла старая большая груша, тѣмъ замѣчательная, по словамъ нашихъ проводниковъ, что подъ нею въ былое время Шамиль творилъ судъ и расправу, и вѣшалъ на ней осужденныхъ.

Туда послалъ генералъ пикетомъ роту третьяго кабардинскаго батальона, подъ предводительствомъ капитана Крузенштерна. Вѣгомъ и съ крикомъ ура! кинулись они впередъ, такъ

что неприятель послѣшно увезъ свою пушку; и конница тоже потянулась длинной линіей за пригорокъ, прикрывавшій Ведень; остальные пушки продолжали свою пальбу, но все также неудачно.

Теперь и мы вернулись въ аулъ, и всякій старался по возможности устроиться въ немногихъ домахъ, или выбрать подходящее мѣсто для палатки и лошадей; однако, нечего еще было рассчитывать на скорое прибытіе вьюковъ и, кому не удалось завоевать себѣ дома, тотъ помѣстился пока на крышѣ; въ числѣ такихъ несчастливцевъ былъ и я съ своимъ товарищемъ по палаткѣ, княземъ Иваномъ Орбеляни; сидя на крышѣ сакли, мы развлекались тѣмъ, что лорнировали Ведень и промерзли такъ до самой ночи. Когда солнце стало окрашивать горы яркочернымъ цвѣтомъ, неприятель прекратилъ огонь, и, наконецъ, увидели мы длинный поѣздъ нашихъ вьючныхъ лошадей; черезъ нѣсколько времени мы уже могли различать фигуры нашихъ казаковъ, ѣхавшихъ съ нашими пожитками. Кто постоянно живетъ въ городѣ, среди всякихъ удобствъ и, отъ большой изнѣженности, то и дѣло ворчитъ на свою прислугу, тотъ едва-ли пойметъ, съ какимъ восторгомъ, съ голоду и съ холоду, привѣтствуется слуга или казакъ, который вѣдь все везетъ за собою: и домъ, и постель, и самоваръ; который самъ, голодный и усталый, и не подумаетъ о себѣ, пока не разобьется палатка, не разложится огонь не приготовится чай и не приберутся лошади.

Ночью мы ожидали сильной канонады, такъ какъ татары, по своему обыкновению, никогда не даютъ спокойно заснуть своимъ противникамъ; однако все прошло благополучно. Но когда мы на разсвѣтѣ, дрожа, вышли изъ палатокъ, то замѣтили, что слѣва на горахъ кишѣлъ неприятель. Неумоимо бѣгали черные силуэты взадъ и впередъ, и когда разсвѣло, можно было видѣть, что они трудились надъ установкой трехъ пушекъ. Въ то время, какъ я стоялъ такъ, вмѣстѣ съ другими, и смотрѣлъ на неприятельскія приготовленія, мимо проѣхалъ генераль Кемпфертъ, нѣмецъ, и крикнулъ мнѣ: «Здравствуйте, что новаго?»

«Я думаю, мы сейчасъ это услышимъ, ваше превосходительство!»

«Да, да, кажется!» и, смѣясь, онъ поѣхалъ дальше. Понятно, что намъ нечего было и думать выставить свои орудія, такъ какъ неприятельская позиція лежала слишкомъ высоко и ни одно наше ядро не могло долетѣть туда. Наконецъ, такъ—черезъ часъ, показался между деревьями первый клубъ дыма, затѣмъ послѣдовалъ глухой ударъ и ядро просвистѣло надъ нашимъ лагеремъ; съ промежутками отъ четырехъ до пяти минутъ пролетали слѣдующія: татары рѣдко когда стрѣляютъ чаще. Въ подозрительную трубу видно было ясно, какъ они (тоже своеобразная манера) носили порохъ въ своихъ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и всыпали его въ пушку; однако, они стрѣляли все черезъ насъ, а если какія ядра и залетали въ лагерь, то, къ счастью, падали въ безлюдныя мѣста и глубоко врывались въ землю.

Между тѣмъ генераль Евдокимовъ отдалъ приказаніе полковнику Черткову выбить неприятеля изъ его позиціи. Чертковъ, очень храбрый молодой человекъ 29 лѣтъ, рослый, сильный, съ виду совершенный волякъ, двинулся во главѣ третьяго Кабардинскаго батальона, вмѣстѣ съ пятой стрѣлковой ротой, четвертымъ Курынскимъ и вторымъ Вѣловскимъ батальонами и съ двумя небольшими горными пушками.

Штурмомъ понеслись они къ горѣ, у подошвы которой имъ пришлось перебраться черезъ глубокой, широкой обрывъ, прорытый притокомъ Хулхулу, и такъ безостановочно бѣжали они въ глубокомъ снѣгу вверхъ по крутизнѣ. Часть татаръ спустилась въ полгоры на встрѣчу на-

шимъ; затрепалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, вскорѣ слышался одинъ только слитный раскатистый трескъ, вмѣстѣ съ нимъ глухо гудѣли пушки и все съ меньшими перерывами; столбы ослѣпительно бѣлаго дыма тянулись къ небесамъ! Спокойно и хладнокровно, точно на какой прогулкѣ, ѣхалъ Чертковъ, всѣмъ замѣтный по своей бѣлой лошади и бѣлому знамени, которое несъ его нукеръ. ѣхавшій за нимъ слѣдомъ казакъ, полетѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ конемъ, сраженный ядромъ.

(Продолженіе будетъ).

Генераль-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ.

Василій Александровичъ Гейманъ, «герой Ардагана», родившійся въ Ковенской губ. 1 января 1823 г.

(отецъ его служилъ чиновникомъ въ таможнѣ) первоначальное воспитаніе получилъ въ Гродненской губернской гимназій.

6 іюля 1839 г. поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, но въ августѣ 1842 года г. переведенъ въ Кавказскій линейный № 1 батальонъ.

Собственно боевая служба В. А. начинается съ 1845 г., когда онъ принялъ участіе въ Даргинской экспедиціи. 14 августа за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, В. А. произведенъ въ подпоручики, награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. (шанкою съ надписью за храбрость) и удостоенъ Монаршаго благоволенія. Въ этой экспедиціи В. А. раненъ былъ въ лѣвое плечо, Вследствіе чего всемилоостивѣе разрѣшено носить во всякое время вмѣсто мундира—сюртукъ.

Въ короткомъ очеркѣ не будемъ переносить всего того, чѣмъ наполненъ формулярный списокъ генерала, испещренный годами, мѣсяцами и числами съ перечнемъ всевозможныхъ наградъ, отличій за военныя дѣла, и полученныхъ ранъ.

До 1861 командую Севастопольскимъ пѣхотнымъ полкомъ г. В. А. 18 декабря 1861 г. принялъ начальство надъ Врехне-Обадзехскимъ отрядомъ, названнымъ потомъ Даховскимъ. На долю этого отряда выпала честь окончательнаго покоренія и умиротворенія западнаго Кавказа, за что В. А. награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 ст. Въ Высочайшемъ приказѣ по этому поводу помѣщено слѣд.: «Въ воздаяніе отличной храбрости и распорядительности, оказанной въ дѣлахъ съ Убыхами 18 марта 1864 г., между рѣками Псезуапелі и Шохе и при занятіи всего морскаго берега до рѣки Сочи Всемилоостивѣе пожалованъ св. Георгія 3 ст.

Въ 1866 г. В. А. сдалъ Севастопольскій полкъ съ сохраненіемъ мундира этого полка и назначенъ помощникомъ командующаго войсками Кубанской области по управленію мѣстныхъ войскъ; затѣмъ въ сентябрѣ 1867 г. назначенъ начальникомъ Сухумскаго военного отряда. Во время начальства В. А. Сухумскимъ отрядомъ разрѣшился сослono-земельный вопросъ, въ этомъ только что покоренномъ краѣ.

Послѣдніе 4 года до начала настоящей компаніи В. А. командовалъ 20 пѣхотной дивизіей.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Азіатско-Турецкой границѣ, Намѣстнику Кавказскому Вел. Кн. Михаилу Николаевичу, угодно было вызвать В. А. изъ его штабъ-квартиры крѣпости Грозной, и назначить помощникомъ командующаго Кавказскимъ дѣйствующимъ корпусомъ, генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Затѣмъ 7 мая получена известная уже дѣшепа*), о взятіи крѣпости Ардагана, гдѣ Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій доноситъ Его Императорскому Величеству, между прочимъ, что «героемъ дня» былъ генераль Гейманъ, портретъ котораго мы и помѣщаемъ.

Больное дитя, съ картины, К. Ф. Гуна

У кого изъ имѣвшихъ или имѣющихъ дѣтей не сожмется сердце при этой томительной сценѣ, кто не вспомнитъ мучительныхъ часовъ проведенныхъ у изголовья дорогого малютки? Въ просторной комнатѣ эстляндскаго крестьянина, въ томительномъ, напряженномъ положеніи замерла мать, прислонившись къ столу, и прислушивается къ трудному дыханію младенца, размѣтавшегося на постели подъ высокимъ пологомъ. «Больное дитя» едва ли не самое задушевное произведеніе покойнаго Гуна, талантъ котораго вообще болѣе отличался вѣршимъ бравуромъ, виртуозностью, чѣмъ глубиной и содержательностью.

*) Телеграмма отъ 7 мая 1877 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ ОТЪ АЛЬПЪ ДО РѢНЫ.

Озеро Гарда. Оливковая рощица у Торбате.